

Юлия Тупикина, iosono@yandex.ru

ОФЕЛИЯ БОИТСЯ ВОДЫ

Трагикомедия в 2 действиях

ЛИЯ, 35 лет.

ВАНЯ, 15 лет.

ГЕРА, 70 лет.

ГЕОРГИЙ, 40 лет.

ЛОРА, 40 лет.

1. Лия в комнате одна.

ЛИЯ. Алло. Здравствуйте. Можно номер забронировать?... Ровно через неделю на выходные... Люкс для молодожёнов... Нет, шампанское не надо, я терпеть не могу шампанское. Фрукты? Фрукты можно. Спелые только... Нет, бананов не надо... Хорошо... Лепестки роз? Ну, давайте. А у вас джакузи есть, да? Я вижу тут на сайте... Отлично, отлично. А шумоизоляция у вас хорошая? Ну отлично. Да, бронируем. Аванс я карточкой оплачу, можно? Да, спасибо. Спасибо большое.

Входит Ваня.

ВАНЯ. Мам.

ЛИЯ. Ой, ты испугал меня. Так ты дома? Так тихо вошел.

ВАНЯ. Мам, а у нас на завтра билеты, да?

ЛИЯ. Ну да, завтра улетаете.

ВАНЯ. А может, нам не ехать в Турцию?

ЛИЯ. Почему? В чём дело?

ВАНЯ. Ну, знаешь, школу пропускать.

ЛИЯ. Да ладно, чего это тебя вдруг стало волновать.

ВАНЯ. Ну и вообще – у тебя же день рождения, а мы тебя бросаем.

ЛИЯ. Папе нужно отдохнуть, ты же знаешь. Я бы тоже с удовольствием с вами поехала, сынок. Но такая засада.

ВАНЯ. Ты же море не любишь. Ты не умеешь плавать даже.

ЛИЯ. Но, знаешь, повалялась бы на песочке с вами, поди плохо.

ВАНЯ. А как ты тут одна, что делать будешь?

ЛИЯ. Ну, я отосплюсь, схожу на массаж. С подружками встречу, с Ленкой. Ты за меня не волнуйся.

ВАНЯ. С подружками?

ЛИЯ. Так, Ваня, почему футболку бросил тут?

ВАНЯ. Мам, а это ты с Ленкой всё время разговариваешь по телефону, да?

ЛИЯ. Ваня, что тебе надо? Иди уроки делай.

ВАНЯ. Алё, алё, и я тоже так соскучилась, хочу к тебе.

ЛИЯ. Ваня, отстань от меня, а. Ты уроки сделал?

ВАНЯ. Знаешь, я не хочу в Турцию. Мы с папой сдадим билеты.

ЛИЯ. Ваня!

ВАНЯ. Как мы можем оставить тебя в твой день рождения?

ЛИЯ. Ваня!

ВАНЯ. Это же твой день рождения. Ты приготовишь ужин, как там, праздничный, блин, мы тебя будем поздравлять. В семейном кругу!

ЛИЯ. Никаких тебе новых кроссовок. И куртку не жди.

ВАНЯ. Я скажу папе – он даже рад будет. Что не надо на самолёте лететь.

ЛИЯ. Ваня, что это вообще? Зачем это?

ВАНЯ. Хочу побыть с родителями.

ЛИЯ. Понятно.

ВАНЯ. И бабушка с нами.

ЛИЯ. Отлично.

ВАНЯ. Ты согласна?

ЛИЯ. Да пошли вы в жопу с вашей сумасшедшей бабушкой вместе.

Заходит Гера Даниловна. Лия достаёт телефон и начинает с кем-то переписываться.

ГЕРА. Лиечка, тут кто-то мой кроссворд заполнил. Ты?

ЛИЯ. Я?

ГЕРА. Я подумала – ну кто еще, кроме меня и тебя, знает про полифонию романов Достоевского.

ЛИЯ. Да и я не знаю, Гера Даниловна.

ГЕРА. Не знаешь? Это странно для филолога. А фамилия Бахтин тебе о чём говорит?

ЛИЯ. Я же теперь бухгалтер, вы забыли, Гера Даниловна?

ГЕРА. Да? Правда? Бухгалтер? Как?

ЛИЯ. Ваня, я не могу ей каждый день заново объяснять, как я стала бухгалтером десять лет назад, не могу.

ВАНЯ. Бабушка, просто поверь мне: она бухгалтер.

ЛИЯ. Во имя Бахтина, и Гаспарова, и святого Даля, аминь.

ГЕРА. Допустим. Так а кто, в таком случае, кроссворд мой заполнил?

ВАНЯ. Так ты и заполнила, бабушка, ещё вчера. Со своим Бахтиным мне мозг выносила вчера, не помнишь?

ГЕРА. Я? Не может быть!

ЛИЯ. Вы таблетки-то пьёте?

ГЕРА. Я, может, что-то стала забывать, но память у меня отличная! Двадцать первое июля тысяча восемьсот восемьдесят шестого года!

ВАНЯ. Взятие Бастилии?

ГЕРА. День рождения великого человека – переводчика Михаила Лозинского!

ВАНЯ. А, того, кто у тебя на стенке висит?

ГЕРА. Да! Великого переводчика художественной литературы! Его портрет всегда в моём сердце. Я получила сегодня телеграмму.

ВАНЯ. Телеграмму? Реально? Нам в школе рассказывали про такое, надо же!

ГЕРА. И в телеграмме один человек напомнил мне кое про что. Про великую трагедию Шекспира в переводе Михаила Леонидовича. И поскольку всё равно кто-то разгадал мой кроссворд – мне нужна книга.

ЛИЯ. Книга?

ГЕРА. Книга.

ЛИЯ. Ваня, принеси книгу.

ВАНЯ. Ту самую?

ЛИЯ. Ну а какую? Принеси книгу.

Ваня отмыкает книжный шкаф и достает с полки потрепанный томик Даниэлы Стил с целующейся страстно парочкой на обложке. Замыкает книжный шкаф.

ГЕРА. Даниэла Стил. Интересное имя. Впервые вижу этого автора. Это что-то новое?

ЛИЯ. Да, это новое имя, Нобелевская премия ей обеспечена. Чтение для рафинированных интеллектуалов.

ВАНЯ. Точняк!

ГЕРА. Такая эпатажная обложка... Что-то в духе графики Родченко. А ты уверена, Лиечка, что мне понравится этот новый автор?

ВАНЯ. Конечно, бабушка, ты её уже два года читаешь!

ЛИЯ (*делая знаки ВАНЕ, чтобы он замолчал*). Конечно, понравится, Гера Даниловна, конечно, понравится! Все учителя литературы на пенсии тащатся от Даниэлы Стил.

ГЕРА. Тащатся?

ЛИЯ. Наслаждаются. Наслаждаются. Наслаждаются.

ГЕРА. Хм, ну не знаю, не знаю... Какая-то довольно потрепанная книга, вся в пятнах.

ВАНЯ. Так это же ты вчера поставила это пятно, бабушка, вареньем капнула.

ГЕРА. Что ты говоришь, Иван, я первый раз держу в руках эту... Даниэлу Стил.

ЛИЯ (*ВАНЕ*). И в этой шизофрении я живу. Пожалел бы мать.

ГЕРА (*продолжая листать*). Я не хочу читать эту книгу. Она вся жирная.

ЛИЯ. Потому что нельзя читать во время еды, я давно вам говорю.

ГЕРА. Да что вы меня за дуру тут держите! Я не ем во время еды! Ой... я не читаю во время еды! И я не читала это и не буду читать! Я хочу читать великого Лозинского! Великую трагедию Шекспира в его переводе! «Гамлета»!

Лия и Ваня переглядываются.

Что вы на меня смотрите, как на дуру.

ЛИЯ. Хорошо. Ваня, дай бабушке другую книгу.

ВАНЯ. Другую книгу?

ЛИЯ. Другую книгу.

ВАНЯ. Какую другую книгу?

ЛИЯ. Другую книгу. Просто какую-нибудь другую книгу.

ГЕРА. В переводе Лозинского.

ЛИЯ. В переводе Лозинского.

ВАНЯ. В переводе Лозинского?

ГЕРА. Да ну вот же – «Школа злословия», «Божественная комедия», «Тартюф». Ты не видишь что ли? Там где-то и «Гамлет». И почему вы замыкаете эти шкафы всегда?

ВАНЯ. Нам доктор сказал так делать. На, бабушка.

Ваня подаёт Гере книгу – это «Гамлет».

ЛИЯ (*ВАНЕ*). Даже не знаю, ты уверен, что можно? Что доктор скажет?

ВАНЯ. В переводе Лозинского. Релакс, мам.

ГЕРА. Блестяще! Блестяще!

ЛИЯ. Вы довольны, Гера Даниловна?

ГЕРА. Довольна! Конечно, довольна! Как ребёнок!

ЛИЯ. Отлично. Так, Вань, ну я пошла, у меня дела, а ты, я надеюсь, пошутил, да? В Турции сейчас очень хорошо.

ВАНЯ. Ты такая красивая стала, мам.

ЛИЯ. Стала?

ВАНЯ. Последние несколько дней такая красивая. Волосы так укладывать стала. Платья эти все, я и не знал, что у тебя шмотья столько.

ЛИЯ. Спасибо, сын! Ты тоже ничего.

Лия душитесь духами, поправляет волосы, надевает туфли на каблуках и уходит.

ВАНЯ. Опять к любовнику побежала. Уже несколько дней бегают.

ГЕРА. Иван! Что за пошлые выражения!

ВАНЯ. А мне забить. Ты, бабуль, завтра всё равно ничего не будешь помнить. Помнишь, я голый пьяный на подоконнике стоял?

ГЕРА. Что ты говоришь такое, Иван?!

ВАНЯ. Хотел выпрыгнуть, помнишь?

ГЕРА. Иван!

ВАНЯ. А помнишь, я тёлку привёл ночевать, когда родителей не было?

ГЕРА. Боже мой!

ВАНЯ. Я же говорю – всё забудешь. Бабушка, а дай сотку.

ГЕРА. Какую сотку?

ВАНЯ. Сто рублей.

ГЕРА. Карманные деньги тебе должны выдавать родители.

ВАНЯ. Да мне не карманные деньги, мне, чисто, пачку сигарет купить.

ГЕРА. Ты куришь?!

ВАНЯ. Да нет, конечно, пошутил. Я хотел купить себе витамины. Дай сто рублей.

ГЕРА. У меня твёрдые принципы, Иван. Родители.

ВАНЯ. А у меня авитаминоз!

ГЕРА. Витамины пусть тебе пропишет терапевт.

ВАНЯ. Сейчас придет мой друг Родя и отпилит полпианино у тебя.

ГЕРА. Боже мой!

ВАНЯ. Я ему должен сто рублей потому что. Дай мне займы. Я завтра отдам.

ГЕРА (*даёт ему деньги*). Ну хорошо. Только до завтра.

ВАНЯ. Чмоке.

2.

Семейный праздничный ужин. Накрыт стол в гостиной. Все молча едят, уткнувшись в своё: Лия в телефон, переписывается с кем-то, Ваня в айпад, играет, Георгий – в ноутбук, Гера – в книгу. Гера периодически роняет слезу.

ВАНЯ (*откладывает айпад*). Ну что, давайте выпьем за маму! Всё-таки день рождения!

Никто не реагирует, включая именинницу. Все заняты своими делами.

Папа!

ГЕОРГИЙ. А?

ВАНЯ. Наливай нам пивка безалкогольного.

ГЕОРГИЙ (*наливая*). А, ну-ну.

ВАНЯ. Папа! Скажи маме тост.

ГЕОРГИЙ (*не отрывая глаз от экрана*). Говорю. Тост.

ВАНЯ. Ну пожелай маме чего-нибудь! Па!

ГЕОРГИЙ (*не отрывая глаз от экрана*). Желаю здоровья. И чтобы сосуды были здоровые.

ВАНЯ. Пап! А ещё что-нибудь скажи!

ЛИЯ. Бесплезно, Вань. Он не слышит.

ВАНЯ. Папа!

ГЕОРГИЙ. М?

ЛИЯ. Твой папа, Вань, когда тебе было полгода, сказал мне: я не хочу жить с тобой, уходи. И я переехала к своим родителям. Через два месяца вернулась – решила дать ему шанс, я не знаю. Чтобы у тебя был отец.

ВАНЯ. Ты шутишь?

ЛИЯ. У него просто был такой бурный роман, крышу сорвало. А я похудела на семь килограмм. И заболела. Но молоко не пропало, я тебя выкормила. Это важно, понимаешь?

ВАНЯ. Что важно?

ЛИЯ. Грудное вскармливание, Вань. Это очень важно.

ВАНЯ. Папа, это правда?

ГЕОРГИЙ. М?

ЛИЯ. Он не слышит. И не разговаривает. Когда мы ходим вместе в ресторан, мы не разговариваем. Он смотрит в свой телефон, я в свой. Нам нечего сказать друг другу. Ну, может, только тебя немножко обсудить. Месяцами не разговариваем по телефону. Только смс – «купи хлеба». А помнишь, я уехала в командировку на две недели? Мы ни разу не позвонили друг другу.

Телефон Лии звонит, и она с ним убегает в другую комнату.

ГЕРА (*отрываясь от книги*). Гамлет, сынок, плесни мне винца в кубок.
(*Теребит Георгия*) Гамлет! Сынок! Плесни мне винца! В кубок!

Пауза.

ГЕОРГИЙ (*ВАНЕ*). Это что сейчас было?

ВАНЯ. Бабушка! Ты как сейчас папу назвала?

ГЕРА (*ВАНЕ*). Кто ты?

ВАНЯ. Я?

ГЕРА. Да, ты.

ВАНЯ. Я твой внук Ваня.

ГЕРА. Мой внук? Странно. А кто твои родители?

ВАНЯ. Мои родители? Да вот они – твой сын Гоша и Лия, его жена. Ты чё, бабуль? Таблеточку дать?

ГЕРА. Сын Гамлета и Офелии. Нерождённый сын.

(пауза)

ГЕОРГИЙ *(ВАНЕ)*. Она что читает?

ВАНЯ. «Гамлета» в переводе Лозинского. Ну, того самого, который у неё два года на стенке висит.

ГЕОРГИЙ. Вы с ума сошли? Доктор сказал – лёгкое чтение, без потрясения. Где Даниэла Стил?

ВАНЯ. Так она отказалась. Из-за пятен.

ГЕРА. Так вино будет, нет?

ВАНЯ *(наливая ей морс)*. У нас безалкогольный праздник, ты же знаешь.

ГЕРА *(ГЕОРГИЮ)*. Мой милый Гамлет, сбрось свой черный цвет.

ГЕОРГИЙ. Мам. Ты что имеешь в виду?

ГЕРА. Сбрось свой чёрный цвет.

ГЕОРГИЙ. Тебе свитер не нравится мой?

Георгий снимает черный свитер, остается в рубашке.

(ВАНЕ) Давно она читает это?

ВАНЯ. Неделю.

ГЕОРГИЙ. Надо вернуть Даниэлу.

ВАНЯ. Пап, подкинь баблоса мне на прикид.

ГЕОРГИЙ. Иван, ты знаешь, я не люблю фамильярностей. Я – твой отец. И, знаешь, все эти словечки – они на самом деле социальные маркеры.

ВАНЯ. Хорошо, я понял. Отец, мне кроссовки нужны непременно. И куртка нужна мне весьма.

ГЕОРГИЙ. У матери деньги, вестимо.

ВАНЯ. Отнюдь. Их мне не даёт моя мать. Твою мать. За то, что с тобой отменили турецкий побег мы.

ГЕОРГИЙ. Хватит паясничать. В смысле?

ВАНЯ. Она хотела, чтобы мы поехали в Турцию.

ГЕОРГИЙ. Ну правильно: море, солнце.

ВАНЯ. Ну да.

ГЕОРГИЙ. Она бы и сама поехала, если бы документы все в порядке были.

(Ваня неопределённо пожимает плечами).

Ты ешь, ешь. Ну зачем этот лук здесь?

(Снова тишина, и каждый уткнулся в свои экраны/книги).

Ну где она там?

(Георгий решительно поднимается из-за стола. Но, постояв несколько секунд, садится).

(ВАНЕ) Иди, сходи, за ней.

Ваня уходит, но быстро возвращается.

ВАНЯ. Её нет.

ГЕОРГИЙ. Как нет?

ВАНЕ. Ну сбежала она, папа!

ГЕОРГИЙ. Как сбежала?

ВАНЯ. Нет её в квартире. Нигде нет.

ГЕОРГИЙ. Как так?

ВАНЯ. Сбежала.

ГЕОРГИЙ. Сбежала? Она с ума сошла? С дня рожденья своего? Наготовила стол...

ВАНЯ. Да какое наготовила? Это из столовой всё, ты чё – не видишь? У них там на работе хорошая столовая.

ГЕОРГИЙ. Из столовой? А я думаю, почему лук. Она ведь знает, что я не люблю лук.

ГЕРА. Спи, дитя! Я думала назвать тебя невесткой и брачную постель твою убрать, а не могилу.

ГЕОРГИЙ. Мам, ты о чём, вообще?

ГЕРА. О ней. О бедной девочке.

ГЕОРГИЙ. О Лие?

ГЕРА. Ну, называй её так, сокращённо.

ГЕОРГИЙ. А при чём тут могила?

(пауза)

Ладно.

ВАНЯ. Ладно?

ГЕОРГИЙ *(доставая виски)*. Ладно. Давайте выпьем тогда. За папу. Пусть земля ему будет пухом.

ВАНЯ. Пап, может, не надо?

ГЕРА. Выпьем. Хороший был король.

ВАНЯ. Пап, может, морсу?

ГЕОРГИЙ. Вань, надо её к Светлане Николаевне вести опять.

ВАНЯ. Может, не надо виски?

ГЕОРГИЙ. Тебе не надо, а мне надо, сын. У меня завтра выходной. Так отведешь бабушку?

ВАНЯ. А я при чём? Ведите. У меня школа.

ГЕОРГИЙ. Понятно.

ВАНЯ. Ну так.

ГЕОРГИЙ. Опять надо обследовать её.

ВАНЯ. Ну да, скорее всего. Голова-то...

ГЕОРГИЙ. Где мама?

ВАНЯ. А я тебе о чём и говорю. Сбежала.

Георгий выпивает рюмку, звонит Лие, но она не отвечает.

ГЕОРГИЙ. Не отвечает.

ВАНЯ. Пап, я записал номер телефона, по которому она часто звонит.

ГЕОРГИЙ. Она часто звонит?

ВАНЯ. А ты не замечаешь? Она уже десять дней пропадает где-то. И установила пароль на телефон. Но я подсмотрел. Мне кажется, это год его рождения. Ну, того человека, короче.

ГЕОРГИЙ. Так. Ну, давай. А хотя, заberi, не надо. *(Наливает ещё рюмку, пьет)* Давайте выпьем за дедушку. Великий был хирург. Пусть земля ему будет пухом. Два года уже.

ГЕРА. Славный был король.
 ГЕОРГИЙ. Мама! Ну что это такое, мама?!
 ГЕРА. Ты что, не согласен? По-твоему, он был плохим?
 ГЕОРГИЙ. Ты сейчас о ком говоришь? О моём папе? Своём муже?
 ГЕРА. Да, о нём.
 ГЕОРГИЙ. Ну слава богу, прояснилось.
 ГЕРА. Хороший он был.
 ГЕОРГИЙ. Да, хороший.
 ГЕРА. Хороший он был, Клавдий.
 ГЕОРГИЙ. Мама! Константин!
 ГЕРА. Клавдий.
 ГЕОРГИЙ. Константин!
 ГЕРА. Ну хорошо, называй его так.
 ВАНЯ. Офигеть! А кто такой Клавдий?
 ГЕОРГИЙ. Почитай бабушкину книжку, сынок.
 ВАНЯ. Я погуглю краткое содержание.
 ГЕОРГИЙ (*выпивает рюмку*). Пусть земля ему будет пухом.
 ГЕРА. Державный Цезарь, обращённый в тлен, теперь сгодится на обмазку стен.
 ВАНЯ. Не волнуйся, па. (*ГЕРЕ*) Бабушка, а я занимал у тебя вчера деньги? Чё-то я подзабыл децел.
 ГЕРА. Деньги? Нет, никаких денег ты не занимал.
 ВАНЯ (*ГЕОРГИЮ тихо*). Всё в порядке. Завтра всё забудет. А я ей Даниэлу подброшу.
 ГЕРА. В приличном обществе... В высшем обществе... В высшем датском обществе шептаться не принято.
 ГЕОРГИЙ (*ВАНЕ*). Да, и эту спрячь.
 ВАНЯ. Окей, мэн. А подкинешь мне баблоса на прикид?
 ГЕОРГИЙ. Старик, да не проблема, старик!
 ВАНЯ. Ха! Дай пять!
 ГЕОРГИЙ (*подавая деньги*). Держи, бро.
 ВАНЯ. Мало, надо ещё, старик.
 ГЕОРГИЙ. Сынок, остальное коньяком могу дать, виски. С работы принесу.
 ВАНЯ. Ну чё за фигня! Я только пару трусов на это куплю!
 ГЕОРГИЙ. Что за пижонство ходить в таких дорогих трусах? Купи китайские в супермаркете.
 ГЕРА. Нерождённый, нерождённый ребёнок. Так она была беременна!
 ВАНЯ. Знаете что? Да пошли вы все!

Ваня уходит в свою комнату.

ГЕОРГИЙ. Мам, а давай споём?
 ГЕРА. Споём?
 ГЕОРГИЙ. Папа любил.
 ГЕРА. Я плохо владею датским фольклором. Простолюдины...
 ГЕОРГИЙ (*перебивая*). Вот эту помнишь? Не для меня цветут сады, в долине роща расцветает, там соловей весну встречает, он будет петь не для меня. Не для меня журчат ручьи, текут алмазными струями, там дева с черными бровями, она растет не для меня.
 ГЕРА. Бедный Йорик.

ГЕОРГИЙ. Да. Да, мама. Бедный. Не пожил для себя. Ну что он? Всё для людей, дежурства эти вечные, операции, операции... Дачу строил-строил... Эх! На машину копил. Нам, всё нам, в семью. На охоту всегда, рыбалку, всё заготовливал, надрывался. Помнишь, он привозил мне подарки от зайчика? С охоты, всё что не доел. Сколько мне тогда – лет пять-семь было. А я верил. Ел все эти мятые яйца, куски колбасы – правда, думал, что от зайчика. Помнишь, мы выжигали с ним дощечку тебе на восьмое марта? Он научил меня выжигать. Папа.

ГЕРА. Дай мне поговорить с твоей печалью.

ГЕОРГИЙ. Мама. Ты тоже скучаешь по нему? Давай выпьем.

ГЕРА. Я это вправе требовать.

ГЕОРГИЙ. Конечно, вот, бери стопку.

ГЕРА. Пойдем, собери мудрейших из твоих друзей, и пусть они рассудят нас с тобою, когда они сочтут...

ГЕОРГИЙ (*перебивая*). Мама! Ну что такое, мама! Что же это такое?!

ГЕРА. Сын, я хотела с тобой поговорить об этом человеке, чей портрет я храню в своём сердце и на стене. Приманка лжи поймала карпа правды...

ГЕОРГИЙ (*перебивая*). Да при чём тут это! Пошёл он, твой Лозинский! Я тебе про папу! Мама! Ты уходишь из реальности! Ты разбиваешь мне сердце, мама!

Георгий, прихватив виски, уходит в спальню, хлопнув дверью. Гера мастерит себе корону из салфеток.

3.

Утро, спальня. Георгий лежит в постели и пьёт пиво, щелкает семечки, Лия быстро собирается на работу.

ГЕОРГИЙ. Как ты быстро двигаешься.

ЛИЯ. Тороплюсь.

ГЕОРГИЙ. Прямо голова у меня закружилась на тебя смотреть.

ЛИЯ. Это от пива.

ГЕОРГИЙ. Как ты! Шныть, шныть, шныть!

ЛИЯ. Где мои колготки?

ГЕОРГИЙ. Я надел.

ЛИЯ. Снимай, извращенец.

ГЕОРГИЙ. Тебе жалко что ли?

Лия откидывает одеяло – Георгий без колготок.

ГЕОРГИЙ. Пошутил.

ЛИЯ. Где мои колготки?

ГЕОРГИЙ. Может, Ваня взял?

ЛИЯ. Идиотские шутки.

ГЕОРГИЙ. Какая ты красивая, когда злишься.

ЛИЯ. Какой ты противный, когда бухаешь с утра.

ГЕОРГИЙ. Вчера ехал в лифте, и какой-то мужик громко так говорил по телефону. Громко, тем более в лифте, понимаешь?

ЛИЯ. Понимаю.

ГЕОРГИЙ. И тогда второй мужик взял свой телефон и тоже стал громко-громко говорить в него, представляешь? Никто ему не звонил, и он не звонил. Он просто решил переорать того быдловатого. Понимаешь?

ЛИЯ. Так а где мои колготки? И не надо семечки в кровати лузгать.

ГЕОРГИЙ. А чё ты так семечки не любишь?

ЛИЯ. Засунь их себе в жопу.

ГЕОРГИЙ. Ты немножко похожа на ящерицу сейчас. Я так люблю ящериц. Лягушек, тритонов ещё люблю. Живую природу. Я червяков дождевых облизывал в детстве, рассказывал, да? Чистил от земли. У меня даже хлороформ был, я же рассказывал тебе? И спирт. Чтобы гуманно усыпил – и в спирт.

ЛИЯ. Меня тошнит.

ГЕОРГИЙ. Может, ты беременная?

ЛИЯ. Отстань.

ГЕОРГИЙ. Хотя, от кого?

ЛИЯ. Не от тебя же.

ГЕОРГИЙ. Вчера парня привезли, такого толстого очень, но у него было сердце в два раза больше, чем у всех людей, представляешь?

ЛИЯ (*находит колготки*). Так вот же колготки! Зачем ты их закинул сюда?

ГЕОРГИЙ. Инфаркт. И он умер через несколько часов, представляешь? Ничем не смог я ему помочь. Слишком большое сердце. Столько крови.

ЛИЯ. Зачем ты мне эти ужасы рассказываешь? Мне пофиг!

ГЕОРГИЙ. Понимаешь, если бы это было нормальное сердце – он бы выжил. Ему только сорок было. Если бы маленькое. А у него было большое. И погиб. А у червяков нет сердца. Нету. А у тебя?

ЛИЯ. Больше не пей. Носки убери. Ваню в школу выпроводи. Ужин приготовь.

ГЕОРГИЙ. Где ты была вчера?

ЛИЯ. Не важно.

ГЕОРГИЙ. Это же твой день рожденья. Я звонил тебе.

ЛИЯ. Разрядился телефон.

ГЕОРГИЙ. Ты купила много кружевных трусов.

ЛИЯ. Ты роешься в моём белье?

ГЕОРГИЙ. И таких блядских, главное. Я одни померил.

ЛИЯ. Так рассказать тебе, где я вчера была?

ГЕОРГИЙ. Молча ушла. Сказала бы: я ухожу.

ЛИЯ. Так рассказать?

ГЕОРГИЙ. И ты же знаешь, я не люблю лук.

ЛИЯ. Ты такой противный, когда пьяный. Иди вымойся, я не знаю, зубы почисти. Всю ночь бухал?

ГЕОРГИЙ. Тебя ждал. Пил, пока ты не пришла утром.

ЛИЯ. Да ладно врать, просто пил. Я пришла - перегаром так воняло, хоть топор вешай.

ГЕОРГИЙ. Папу поминал.

ЛИЯ. Уволят тебя.

ГЕОРГИЙ. Ты не понимаешь, у меня такая работа. Столько людей умирает. Стресс.

ЛИЯ. А у меня баланс.

ГЕОРГИЙ. Привезли женщину молодую. Прооперировал. Такая красивая. Проляпс митрального клапана врождённый. Нормально она, на поправку. Бабы живучие. А вот мужики гибнут. Отмирает в них живое. Тромбы закрывают их от жизни. Это очень больно. И папе больно было.

ЛИЯ. Так, уже третья банка за утро.

ГЕОРГИЙ. Всё из-за тебя. Полгода из-за тебя. На улице жить будем.

ЛИЯ. Да не будем! Я тебе сто раз говорила! Всё будет нормально! Просто я поживу невыездная! Это я должна бухать тут с горя, а не ты!

ГЕОРГИЙ. Убегаешь. А надо маму отвезти к врачу.

ЛИЯ. Вот протрезвей и отвези! Я на работу! Кто из нас врач? И чья мама?

Заходит Ваня.

ВАНЯ. Родители, мне, короче, очень нужны новые кроссовки.

ГЕОРГИЙ. Сынок! Доброе утро, сынок! В школу не опоздаешь?

ЛИЯ (ВАНЕ). Тебя до школы довезти?

ВАНЯ. И ещё куртка.

ЛИЯ (ВАНЕ). Как бабушка?

ВАНЯ. Бабушка шьёт. Кроссовки, короче, адидас, найк на крайняк.

ЛИЯ. Папа пьёт, бабушка шьёт. Что шьёт?

ВАНЯ. Мама, а-ди-дас. Шесть косарей.

ГЕОРГИЙ. Ванька, сынок, как же ты всё-таки похож на своего дедушку покойного! Надо было тебя тоже Константином назвать. Какая славная династия, сынок! Ты продолжишь дело своего деда!

ВАНЯ. Пап, у меня, вообще-то ни по биологии, ни по химии не очень...

ГЕОРГИЙ. Это не важно, это можно подтянуть...

ВАНЯ (*перебивая*). И крови я боюсь.

ГЕОРГИЙ. Однако мою медицинскую энциклопедию читал.

ВАНЯ. Только раздел про гинекологию – там картинки.

ГЕОРГИЙ. Я тоже с этого начинал...

ЛИЯ (*перебивая*). Ну хватит! (ВАНЕ). Нет, не успею тебя довезти, сам иди.

ВАНЯ. Как вы меня достали, родители.

ГЕОРГИЙ. Сынок, ты дал бабушке Даниэлу?

ВАНЯ. Нет. Вы меня достали. Сами возитесь со своей бабушкой.

ЛИЯ. Опять в мятой майке. Тебя выгонят, что ты в форме не ходишь. Ладно в форме, но майку-то погладь.

ВАНЯ. Уже десять дней, как ты не гладишь бельё, мама. И ужины не готовишь.

Заходит Гера.

ГЕОРГИЙ. Мамуль! Доброе утро, мамуль!

ГЕРА (ЛИЕ). Дорогая, я воспользуюсь твоей шкатулкой с бусами?

ЛИЯ. Ну воспользуйтесь, конечно. А в каких целях?

ГЕРА. В декоративных.

Гера берет шкатулку и уходит.

ЛИЯ. Что это? Зачем ей мои бусы?

ВАНЯ (*кивая на букет*). А кто подарил тебе этот букет?

ЛИЯ. Опоздаешь в школу.

ВАНЯ. А я знаю, кто.

ЛИЯ. Ну и кто же?

ГЕОРГИЙ. Ваня, сынок...

ВАНЯ (*перебивая*). Папа, а почему когда ты пьяный, ты сразу называешь меня сынок? Это фамиллярно, папа. Я – твой сын.

ГЕОРГИЙ. Ха-ха! Ну и рожа у тебя, Шарапов!

ЛИЯ (*ВАНЕ*). Погладь майку сам.

ВАНЯ. И почему, папа, тебе не интересно узнать, откуда букетик?

ЛИЯ (*ВАНЕ*). В старых кедах ходишь.

ВАНЯ. Но смолкни, сердце, скован мой язык!

ГЕОРГИЙ. Откуда?

ВАНЯ. Букетик?

ГЕОРГИЙ. Нет, строчки.

ВАНЯ. Ты не читал «Гамлета», папа.

ГЕОРГИЙ. Я думал, ты там у себя порно смотришь, как нормальный пацан.

Пива будешь, бро?

ЛИЯ. Фу, мерзкий, отвратительный, пьяный, фу!

ГЕОРГИЙ. Ха-ха-ха! А у тебя засос на шее!

(Лия уходит на работу. Ваня берет пиво и пьёт).

Понимаешь, сынок, сердце. Сердце, сынок. Сердце – это сердце, сынок. Оно болит. Сердце моллюска тоже может иметь клапаны и перикард. У брюхоногих он обхватывает заднюю кишку. Такое вот сердце, сынок. Сердце – это больно.

ВАНЯ. Пап, а хочешь, я кофе сварю?

ГЕОРГИЙ. Всё под контролем, сынок. (*протягивая сигареты*) Курить будешь?

ВАНЯ (*берет сигарету*). Чё, прям тут?

ГЕОРГИЙ. Релакс.

ВАНЯ. Так я чё, и в школу могу не ходить?

ГЕОРГИЙ. Да забей. Посиди с папкой в кои веки. Дедушка твой, Константин, был хороший мужик. Бабушка твоя считала, конечно, что он ей не сильно пара, знаешь. Слишком простой для неё, типа. Стихов не знал. Труженик скальпеля. Типа, она такая интеллигенция. Но любила, любила его. А он её обожал. Всё время я ночью слышал, как у них в комнате кровать скрипела, так он её обожал.

ВАНЯ. Ха-ха!

ГЕОРГИЙ. Вот тебе и ха-ха.

ВАНЯ. Бабушка говорит, что всё жизнь спала на мерзкой скрипучей кровати.

ГЕОРГИЙ. Видишь, она даже с ума сошла, когда он ушёл от нас.

ВАНЯ. А ну да, как раз тогда она и стала Даниэлу читать.

ГЕОРГИЙ. Одиночество.

Заходит Гера.

ГЕРА. Мне нужны нитки.

ГЕОРГИЙ. Мамулик! Как ты?

ГЕРА. Отвратительная плебейская манера склонять слово «мама».

ГЕОРГИЙ. Хорошо, мать.

ГЕРА. Бордовые нитки.

ВАНЯ. Так в коробке у мамы же.

ГЕРА. Они кончились. Мне нужны нитки.

ГЕОРГИЙ. Сядь с нами, мать, поговори. Мы тут сидим с Ваняткой, вишь, пиво пьём, папу вспоминаем.

ГЕРА. Он был хороший человек, исполненный достоинства. А ты тут валяешься, как... простолюдин!

ГЕОРГИЙ. Ну что ты, мать, что ты, ну посиди с нами, расскажи про папу.

ГЕРА. Посмотри на себя! С утра пораньше нажрамшись! Накурили тут! Уму непостижимо!

ГЕОРГИЙ. Мам, ну чё ты, ну оставь, пустое! Знаешь, что главное? Ванька, запоминай.

ВАНЯ. Ну, что?

ГЕОРГИЙ. Главное, чтобы из правого уха ветер уходил в левое.

ВАНЯ. Ха-ха!

ГЕРА. Мне нужны нитки.

ГЕОРГИЙ. Да зачем они сдались тебе?

ГЕРА. Бордовые нитки к бордовому бархату.

ГЕОРГИЙ. Господи, мама, ты сегодня удивительно, прозрачно рассудительная! Может, и не надо тебя к врачу. Ты читала сегодня Даниэлу?

ВАНЯ. Бабушка, да возьми зелёные. Так модно.

ГЕРА. Когда я шила, сидя у себя, принц Гамлет - в незастегнутом камзоле, без шляпы, в неподвязанных чулках, испачканных, спадающих до пяток, стуча коленями, бледней сорочки и с видом до того плачевным, словно он был из ада выпущен на волю вещать об ужасах - вошел ко мне.

Гера выходит.

ГЕОРГИЙ. Вот те раз. Ты спрятал Шекспира?

ВАНЯ. Говорю же – не нашел! Она её куда-то заныкала. Не буду же я шмонать там у неё в комнате. И с портретом опять разговаривала, я слышал.

ГЕОРГИЙ. Блин, сынок, это лажа. Дай ещё пивка.

(Ваня подает ему пиво).

Блин... Сегодня я уже не смогу её Светлане Николаевне показать... Надо Лорке звонить. Она же этот, как его, психолог. Дай телефон.

(Ваня подаёт телефон. Георгий набирает номер).

Лорик! Алё! Алё! *(с грузинским акцентом)* Ларису Ивановну хочу! Ха-ха-ха! Да! Как ты догадалась? Ну да, выпил немного! Сестра твоя? Да на работе, где же. Ты к нам придешь сегодня, Лор? Как зачем? Сеструхин дэрэ отпраздновать. Ты вчера, кстати, почему не пришла? А, ну да, понимаю, работа. Приходи. Да. Ну и посмотреть на Геру мою Даниловну. Да что-то чудит. Да знаю, знаю, покажу её доктору, покажу. Но пока, может, ты посоветуешь чё. Да придешь, увидишь. Ну давай. Ага, давай.

ВАНЯ. Так чё, пап, может, мне вообще школу бросить.

ГЕОРГИЙ. Да на хер эту школу, бросай, конечно.

ВАНЯ. А чё делать? На экстернат?

ГЕОРГИЙ. Да на хер экстернат. Пива дай.

(Ваня подаёт пиво).

Надо слушать своё сердце, сынок. Сердце. Через него проходит до десяти литров крови в сутки, знаешь? А если застой, то что, знаешь? А если застой – то сердечная недостаточность. А что значит сердечная недостаточность? Это гипоксия органов и тканей. Гипоксия, понимаешь?

ВАНЯ. Так и экстернат тоже можно бросить?

ГЕОРГИЙ. Гипоксия – это дефицит кислорода, когда ты задыхаешься. Ты корчишься. Понимаешь, всегда нужно то, чем дышать, всегда нужно. Открой окно.

Ваня открывает окно. Потом выбрасывает букет Лиш в окно.

ВАНЯ. Холодно, пап.

ГЕОРГИЙ. Стенокардия – это очень больно, знаешь, сынок. Сердце болит, за грудиной. Стенокардия из-за гипоксии. Из-за того, что сердце одиноко, понимаешь? Оно одно, и нет у него кислорода. Нет вещества. Нет любви.

ВАНЯ. Ты, когда пьяный, так интересно всё рассказываешь.

ГЕОРГИЙ. Иди сынок, я вздремну. Иди.

ВАНЯ. Ну ладно, я пойду. А чё мне делать?

ГЕОРГИЙ. Иди, иди в школу, сынок.

ВАНЯ. Пап, ты чё? Я уже пьяный. Как я в школу?

Георгий спит.

4.

Ужин. Гера сидит в бордовом бархатном платье в стиле аристократов 17 века, расшитом бусинами и почему-то с бахромой. Неловкое молчание. Лия уткнулась в телефон. Георгий в ноутбук. Вани нет. И только Лора сияет улыбкой.

ЛОРА. Много одиноких, много. Ко мне много обращаются женщин, и красавицы, и умницы, и не везёт. Никто не любит их. Да. Да и вообще, тема интересная. Я же коллекционирую объявления даже такие. Такие перлы, такие перлы. Одна написала, послушайте (*достаёт телефон, роется в нём, читает*). "Дорогие мужчины! Хочу отругать вас. Ну зачем вы просите для себя у Бога длинноногих блондинок с золотыми волосами, стройных, сексуальных, но при этом верных и нестроптивых? Да не существует таких девушек в природе. А если бы и существовала такая девушка, то не по Сеньке шапка она вам. Мужчины! Если вы простой работяга, да еще живете в маленьком городишке России и получаете скромную зарплату, то просите для себя у Бога и обращайтесь внимание на простых женщин - без капризов, без запросов, без гордыни, без тараканов в голове. Мне 34 года. Почти два года безуспешно пытаюсь найти вторую половину на этом сайте. Я разочарована, потому что либо мне пишут очень пожилые люди (58-70 лет), либо вообще какие-то космические пришельцы. На мои письма мужчины либо не отвечают, либо пишут, что не могут переехать в мой регион или принять меня у себя. Мужчины, да разве для Бога есть преграды?» Разве у Бога есть преграды? Ха-ха! Смешно же?

ЛИЯ. Нет, не смешно.

ГЕОРГИЙ. Ты-то сама когда замуж?

ЛОРА. Так за кого? Было бы за кого.

ЛИЯ (*указывая на ГЕОРГИЯ*). Забирай его.

ЛОРА. Да чё ты, Лийка, такая мрачная какая-то сегодня.

ЛИЯ. Да так.

ГЕРА. Каким докучным, тусклым и ненужным мне кажется все, что ни есть на свете!

ЛИЯ. Вот именно.

ЛОРА. Кстати, Гера Даниловна, хотела сказать комплимент вашему наряду изысканному! Такая красота! Это где вы такую красоту купили? У нас костюмная вечеринка на работе намечается.

ГЕРА. Была бы Гертруда, а платье найдётся.

ЛИЯ (*ЛОРЕ*). Ты не узнаёшь что ли? Это же наша скатерть праздничная, от мамы нашей осталась. Помнишь? Видишь, бахрома. А бусины – это все мои бусы, она их распотрошила – все-все-все - и пришила. У меня теперь нет бус.

(пауза)

ЛОРА. Всё-таки как хорошо, когда человек умеет шить! Когда человек творческий, креативный, мастерит...

ГЕРА. Бордовые нитки кончились, зеленые взяла.

ЛОРА. Я и говорю. Творческий потенциал...

(Георгий делает Лоре какие-то знаки).

А, кстати, Гера Даниловна, а чем объяснить, что вы выбрали такой фасон? Интересный такой.

ГЕРА. Только это мне подходит. Так модно.

ЛОРА. Понятно. Просто несколько удивительно. Вот ваш сын, например, беспокоится, почему вдруг.

ГЕРА. Гамлет?

ЛОРА. Гамлет?

ГЕРА. Гамлет?

ЛОРА. Георгий.

ГЕРА. Георгий?

ЛОРА. Георгий.

ГЕРА. Георгий. У меня нет такого сына.

ЛОРА. Да?

ГЕРА. Да.

ЛОРА (*указывая на Георгия*). А этот?

ГЕОРГИЙ. Мама, дорогая...

ГЕРА. А! Так не пугай меня! Это же мой Гамлет!

ГЕОРГИЙ (*ЛОРЕ*). Я говорил тебе.

ЛОРА. Интересно.

ЛИЯ (*ЛОРЕ*). Да не парься, тут психиатр нужен.

ЛОРА. Интересно как. (*указывая на Лию*) А это кто?

ГЕРА. Офелия, безумная Офелия.

ЛИЯ. Почему это он просто Гамлет, а я безумная? Там Гамлет тоже сошел с ума!

ГЕРА. Да он притворялся. Притворяется.

ЛИЯ. Да ладно!

ГЕРА. К тому же, ты боишься воду. Неслучайно! И пусть, Офелия, ваш милый образ окажется счастливою причиной его безумств, чтоб ваша добродетель на прежний путь могла его наставить, честь принеся обоим.

ЛИЯ. Боюсь, что нет у меня добродетели. Для него.

ГЕОРГИЙ. Я безумен только при норд-норд-весте; когда же ветер с юга, я отличаю сокола от цапли.

ЛОРА. Опа-на! Вы тут все читаете эту книгу, да?

ГЕОРГИЙ. Мама, дорогая моя. А ты помнишь папу?

ГЕРА. А что?

ГЕОРГИЙ. Как его звали?

ГЕРА. Клавдий.

ГЕОРГИЙ (*ЛОРЕ*). Ты видишь?

ЛОРА. Да-а-а. Гера Даниловна, а вы помните свою молодость?

ГЕРА. Я не только молодость, я всё помню.

ЛОРА. Всё?

ГЕРА. Всё.

ЛИЯ. А кто уют не выключил месяц назад и спалил ковёр, и сбежал из квартиры полгода назад, и прибежал в школу и спал под партой, пока мы тут морги обзванивали и больницы?

ГЕОРГИЙ. Лия, я тебя умоляю.

ЛИЯ. Да что ты меня-то умоляешь!

ГЕРА. Я помню свою молодость. Мама шила мне блузки с круглым воротничком и рукавами-фонариками. И всегда говорила: вот уедешь, Герка, в большой город из нашего Мухосранска...

ГЕОРГИЙ (*перебивая*). Мама!

ГЕРА. Из нашей провинции, то есть. И станешь человеком. Главное – гигиена. Порядочность. Нравственная чистота.

ЛОРА. Так. Хорошо, хорошо. А потом что было?

ГЕРА. Приехала я в город...

ЛОРА (*перебивая*). В какой?

ГЕРА. В какой? В какой... В Эльсинор.

ГЕОРГИЙ. Мама.

ГЕРА. Да! В Эльсинор! Я худая была, 45 килограмм. В «Правде» объявили, что мы теперь будем орошать земли на Кубе. Я поступила в пед, в общежитии поселилась...

ЛОРА (*перебивая*). И вот интересно, Гера Даниловна, в Эльсиноре, значит, была своя «Правда»?

ГЕРА. У каждого своя правда. И, конечно, в общежитии совсем другая жизнь открылась мне. Во-первых, Кеннеди убили. Дело не в том, что убили, а в том, что Кеннеди – я раньше не знала о нём. Я знала, что есть Американский Президент, злодей. Оказалось, это Кеннеди, и его тут же убили. Но ладно Кеннеди – Мерлин Монро! Её тоже убили жестокие законы капиталистического кинопроизводства, а ведь я ещё не видела с ней фильмов, ни одного. Но ладно Монро – ракеты! Я оказалась на стадионе, было так много людей, я так много не видела в одном месте, у меня захватило дух! Была спартакиада, вероятно, но они несли ракеты. Серебристые такие, большие, на них было написано «На Луну». И ракеты торчали всюду, рядом мужчины в трусах голубых и белых носочках, загорелые, и с флагами алыми. На Луну! Боже мой, как я обрадовалась! Невероятно! Совсем другой мир открылся мне! Он даже вышел из пределов нашей планеты! На Луну! Даже женщину пустили туда, Валентину.

Такая невзрачная, кстати, я красивее в сто раз. А из динамиков – песня про Кубу, Куба – любовь моя! Куба – я тут же захотела туда, волшебная страна, Фидель с бородой, чем-то на моего папу похож. Но и здесь было неплохо. Мороженое продают. Газводу. Можно купить продукты в магазине. Платья. Денег нет, конечно, но ведь продают. А некоторые, оказывается, ездят в САНАТОРИИ! Такое слово узнала. Крепдешин – тоже красивое слово. И у Хрущёва лицо такое доброе. Такой он милый, кругленький колобок. И Галина Польских такая блондинка, восемь раз смотрела «Дикую собаку Динго».

ЛОРА. А вот теперь скажите мне, Гера Даниловна, вы ведь понимаете, что то было настоящее, а про датское королевство вы прочитали в книжке?

ГЕРА (*после паузы*). Что-то у меня голова болит. Гамлет, сынок, принеси мне таблетки от головы.

Георгий уходит.

ЛОРА. Возвращаемся в реальность. Итак, город, в котором вы живёте, называется...

ГЕРА. Боже мой, Лаэрт, но ведь Эльсинор всегда останется Эльсинором.

ЛОРА. Лаэрт? Где?

ГЕРА. Здесь.

ЛОРА. Здесь?

ГЕРА. Это ты. Ты - милый юноша, но немножко занудный.

ЛИЯ (*ЛОРЕ*). Бесполезно, видишь.

Возвращается Георгий с таблетками и отдаёт их Гере.

ГЕРА. Пожалуй, я удалюсь в опочивальню.

Гера уходит.

ЛОРА. Да-а-а...

ГЕОРГИЙ. Ну что?

ЛОРА. Что-что, тут не психолог нужен.

ЛИЯ. Я и говорила.

ГЕОРГИЙ. Да, отведу её. Отведём.

ЛИЯ. Не смотри на меня.

ЛОРА. Уф-ф-ф... Систер, а давай выпьем за твой день рожденья, что ли.

ЛИЯ. Давай.

ЛОРА. Я принесла саперави. Георгий, неси бокалы.

ЛИЯ. Два бокала. Ему завтра на смену.

Разливают вино в два бокала.

ЛОРА. Ну что, поздравляю тебя, моя дорогая! Ты такая красивая у нас, такая умница!

ГЕОРГИЙ. Особенно, умница, ага.

ЛИЯ (*ГЕОРГИЮ*). Не перебивай.

ГЕОРГИЙ. Квартиру заложила, такая умница.

ЛИЯ. Заткнись!

ЛОРА. Давайте вернёмся к моему тосту. Моя любимая, единственная сестра моя, поздравляю тебя! Верю в тебя!

(Лия прослезилась).

Ну чего ты? Чего ты?

ЛИЯ. Ты сказала: верю в тебя.

ЛОРА. Ну конечно! Конечно, верю в тебя! Ты такая, я не знаю... Помнишь, мы пошли в кино на каникулах, взяли бутерброды, а за нами увязалась стая собак бездомных, помнишь? Возле «Мир крепи своим трудом», и ты кинула им бутерброды, и мы побежали. И прибежали в кинотеатр «Юность», и там смотрели какое-то кино, в тёмном зале, в безопасности. Я всегда горжусь тобой, родная.

Чокаются и выпивают.

ЛИЯ. Мы психологов даже позвали, знаешь?

ЛОРА. Психологов? Куда?

ЛИЯ. Да. На работу, куда же. По деревням. Нам же нужно понять. Оказалось, у них материальных потребностей нет. Вообще.

ЛОРА. Как это? У кого? Ты про что?

ЛИЯ. Ну я тебе про серьёзное! Про работу!

ЛОРА. Понятно.

ЛИЯ. У крестьян. Вообще. Они не хотят машину, душ, даже туалет в доме. Их устраивают сортиры в огородах.

ЛОРА. Минималисты, счастливы с малым.

ЛИЯ. Нельзя назвать их счастливыми. Эмоциональных потребностей у них тоже нет. От активности уклоняются. Пусть само как-нибудь образуется.

ЛОРА. Может, и правильно.

ЛИЯ. Воруют. Комбайны жгут, штыри на поле втыкают.

ЛОРА. Ужас.

ЛИЯ. И только одно имеет значение – что сосед скажет.

ЛОРА. Правильно, там не спрячешься. И никого другого нет.

ЛИЯ. И ещё искренность.

ЛОРА. Честность?

ЛИЯ. Нет, не честность. Искренность. И чтобы её можно было увидеть или потрогать. Так лучше. Вольф к нам приехал снова, знаешь?

ЛОРА. Вольф? Из Голландии? Инженер?

ЛИЯ. Да, он. Мы ему говорим: да не надо, Вольф, приезжать, мы всё поняли, оборудование установили, технологию выучили. А он приехал. Знаешь, почему?

ЛОРА. Почему?

ЛИЯ. Из-за Таньки. Влюбился. В доярку влюбился нашу Таньку, разведёнку с двумя детьми. И она. Она наколку набила на плече – голова волка. Вольф, значит, по-немецки. Влюбилась очень, пила месяц, как он уехал. Они боятся пустоты.

ЛОРА. Не только они.

ЛИЯ. Не только, да.

ЛОРА. Я еще могу родить.

ЛИЯ. Конечно, можешь. И в пятьдесят можно, теоретически.

ЛОРА. Эх. Вот смотри, что пишут. (*читает из телефона*). «Подруга максимально точно сформулировала мой главный принцип в личной жизни: «Из всех цветиков-семицветиков выбрать лютика-ебанутика».

ЛИЯ. Боится пустоты.

ЛОРА. Да.

ЛИЯ. Как твой-то?

ЛОРА. Тот? Ну, пробовали снова всё начать, да как-то так, знаешь. Не канает.

ЛИЯ. Он обязательно появится, твой, новый. Обязательно найдёт тебя. Ты посылай сигналы в космос.

ЛОРА. Хорошо.

Снова разливают вино и выпивают.

ГЕОРГИЙ. А вот у нас однажды патологоанатом, тоже одинокий...

ЛИЯ (*перебивая*). И у них две стороны у каждой медали.

ЛОРА. И это правильно, это хорошо. (*ГЕОРГИЮ*) А что там патологоанатом?

ГЕОРГИЙ. Захотел любви, ночью...

ЛИЯ (*перебивая*). Всё хорошее у них хорошее, а потом плохое, а потом хорошее, и наоборот. Агрофирма наша для них так.

ЛОРА. Двойной зажим Блейера.

ЛИЯ. Где?

ЛОРА. Это называется двойной зажим Блейера. Когда в человеке уживаются противоречия.

ГЕОРГИЙ (*ЛИЕ*). А теперь скажи, как ты могла заложить нашу квартиру?

ЛИЯ. Ты же знаешь, нам нужен был кредит.

ГЕОРГИЙ. Нам?

ЛИЯ. Нам, да, нашей фирме. А банки не дают. Банкам насрать на сельское хозяйство. Всем насрать на сельское хозяйство. А нам нужен урожай. Нам нужно оборудование из Голландии, технологии. А нас же давят налогами, давят!

ГЕОРГИЙ. А при чём здесь наша квартира?

ЛИЯ. Не наша, а моя, от родителей досталась.

ГЕОРГИЙ. Тут твой сын, твой муж.

ЛИЯ. Я спасла фирму.

ГЕОРГИЙ. И сельское хозяйство в России спасла! Мать-Тереза!

ЛИЯ. А ты-то...

ГЕОРГИЙ. Ты себя спаси. Себя. Не надо весь мир спасать.

ЛИЯ. Тебе, значит, можно, а мне нет? А я и спасаю...

ЛОРА (*перебивая*). Скоро везде появится сланцевый газ!

ГЕОРГИЙ. При чём тут сланцевый газ, Лора?

ЛИЯ. Скорей бы! Скорей бы появился этот сланцевый газ!

ЛОРА. И мы с нашей нефтью никому не будем нужны.

ЛИЯ. Да кому нужна эта нефть!

ГЕОРГИЙ. При чём тут сланцевый газ, когда хозяин их фирмы молодой и красивый. И мошенник, судя по всему. Свою квартиру не заложил.

ЛИЯ. Да что ты знаешь? Что ты знаешь об этих людях? Да он заложил всё, что у него есть! И при чём тут молодой красивый? Да, молодой и красивый.

ГЕОРГИЙ. Что-то сердце у меня колет.

ЛИЯ. При чём тут это? Он женат!

ГЕОРГИЙ. Кого это остановило. Налейте мне, тоже хочу выпить.

ЛИЯ. Вот и заткнись. Обойдешься. У тебя завтра операции.

Заходит пьяный Ваня.

Ваня, ты откуда такой?

ВАНЯ. А хер знает, мам.

ЛИЯ. Иван!

ЛОРА. Ванька, привет!

ВАНЯ. О! Итить твою мать, профессор! Тётя! Привет!

ЛИЯ (ГЕОРГИЮ). Вот, какой ты пример подаешь сыну.

ГЕОРГИЙ. Иван, в чём дело?

ВАНЯ. Батя, ништяк!

ГЕОРГИЙ. Иван, как ты с отцом разговариваешь? И с тётей! Что за клоунада?

ВАНЯ. А, так ты трезвый, да? Понял. Понял, отец. Смолкни сердце, скован мой язык.

ГЕОРГИЙ. Иван тоже читает «Гамлета» у нас.

ЛОРА. Так вас надо всей семьёй к доктору.

ЛИЯ. От «Гамлета» не лечат.

ЛОРА. Всё можно вылечить. Кроме рака.

ВАНЯ. Я не знал, что делать. Папа сказал, что можно не идти в школу.

ЛИЯ (ГЕОРГИЮ). А ты герой не предлагал ему?

ВАНЯ. А чё делать-то? Если в школу не идти. Куда идти? Ну, выпил я пива. Скучно дома сидеть. «Гамлета» почитал, и чё-то так тошно стало. Как-то не знаю. Все насели так на бедного чувака этого. Тот, этот. Хорошо, он их начал мочить. В общем, пошёл я в ТЦ. Там пусто. Купил себе макжрачки.

ЛИЯ. Всякое говно, потом не жалуйся на желудок.

ВАНЯ. А там за другим столиком две сидят. Одна фея, другая смешная. И фея рассказывает ей: "Мама мне сегодня кричит: "Лиза, Моня Мусю убивает!" Я прибегаю: оказывается, Муся к Моне залезла под одеяло утром, ну он, конечно, стал кусаться, а Муся его, но мама подумала, что опять её любимую Мусю кто-то обижает. Надоело, хочу уже жить одна с Монею".

ГЕОРГИЙ. Иван, иди проспись, и я завтра напишу записку в школу, что ты болел.

ВАНЯ. Да забей, пап, им пофигу. Так вот, эта фея тараторила-тараторила. А вторая, смешная, молчала и молчала, заколку теребила в руках, заколку для волос. А потом они ушли, а заколка осталась. На столике осталась. Я взял её на память.

ГЕОРГИЙ. А вдруг у неё вши?

ВАНЯ. Я прокипячу, па. Но у неё нет вшей, конечно. А бывают какие-нибудь другие насекомые в голове? Прекрасные насекомые.

ГЕОРГИЙ. Тутовый шелкопряд. Иди проспись уже, ты бредишь, сын!

ВАНЯ. Налейте папе уже, чтобы он подобрел.

Ваня уходит.

ЛИЯ. Что, вообще, происходит?

ГЕОРГИЙ. Да, я тоже хотел тебя спросить. Ты всю неделю приходила домой в два-три часа ночи. Сбежала с собственного дня рождения. Не ночевала дома. (ЛОРЕ) Лора, как ты считаешь, это нормально, вообще? Порядочно?

ЛОРА. Это ваши дела, ваши дела.

ЛИЯ. Хочешь знать, где я была?

ГЕОРГИЙ. Да, хочу знать, где ты была.

ЛОРА. Послушайте...

ЛИЯ. Ты точно хочешь это знать?

ГЕОРГИЙ. Надо иметь уважение.

ЛИЯ. Так ты любишь меня?

ГЕОРГИЙ. Надо иметь уважение к мужу. Вот мама уважала моего папу, понимаешь?

ЛОРА. Послушайте, не надо горячиться, не надо...

ЛИЯ. Так ты любишь меня или нет? Зачем я тебе нужна?

Заходит Гера с чемоданом и пачкой старых писем и фотографий.

ГЕРА. Сын мой, давай погорю с твоей печалью.

ГЕОРГИЙ. Ты уже говорила вчера, мама.

ГЕРА. Я уезжаю. Меня ждёт он.

ГЕОРГИЙ. Куда? Кто? Что происходит?

ГЕРА. Я должна сказать тебе, принц, что твой отец – не отец тебе.

ГЕОРГИЙ. Ты про Клавдия? Конечно! Конечно, мама! Мой отец – Константин.

ГЕРА. Нет. Твой отец – Алексей.

ГЕОРГИЙ. Какой ещё Алексей?

ГЕРА (*вручает какие-то письма и фотографии ГЕОРГИЮ*). Вот доказательства. Коль мне не веришь. Смотри и помни: я ни в чём не виновата.

ГЕОРГИЙ (*разглядывает конверты и фотографии*). Мама, это какие-то твои письма? Семидесятого года?

ГЕРА. Да.

ЛОРА. Боже мой! Гера Даниловна...

ГЕРА. Молчи, Лаэрт.

ГЕОРГИЙ. Тут любовные письма.

ГЕРА. Да. От моего Лёшеньки. И ты от него.

ГЕОРГИЙ. Мама, ну что ты такое говоришь?

ГЕРА. Клавдий-Константин – не твой отец.

ЛИЯ. Вот это гигиена! Вот это нравственная чистота!

ГЕОРГИЙ. Мама. Но как же так?

ГЕРА. Ну так. Влюбилась.

ГЕОРГИЙ. Влюбилась?

ГЕРА. Влюбилась.

ГЕОРГИЙ. А где он, мой настоящий отец?

ГЕРА. Клавдий-Константин убил его.

ЛИЯ. Маза фака.

ГЕРА. Клавдий-Константин убил его. Когда застал нас в постели. С охоты раньше времени вернулся.

ЛОРА. Какой ужас!

ЛИЯ. Ха-ха-ха! Ну что вы верите ей? Что вы верите? Она же сошла с ума!

ГЕРА. Это ты сошла с ума и утонула.

ГЕОРГИЙ. Мама, ты сейчас серьёзно всё это говоришь? Посмотри мне в глаза.

Из ванной выходит бледный Ваня.

ВАНЯ. Мам, меня тошнит.

ЛИЯ. И тебя тоже? И меня уже от этого всего.

ГЕОРГИЙ (*ГЕРЕ*). Мама, повтори, повтори мне!

ВАНЯ. Тошнит.

ЛИЯ. Ещё бы. Пить надо меньше. Ну два пальца в рот, сынок. И добро пожаловать во взрослую жизнь.

ГЕРА. Он убил его морально. Иногда можно убить человека морально. Он бил-бил и убил его, и Алексей исчез навсегда. А потом ты родился.

ВАНЯ. Я убью твоего любовника, мама.

ЛОРА. Боже мой.

ГЕРА. Приманка лжи поймала карпа правды! Это его портрет висит в моей спальне. Вы, невежи, думали, это Лозинский? Нет, это не Лозинский. Можете проверить в гугле этом вашем. Это твой настоящий отец, Гамлет. И когда умер Клавдий-Константин, я достала его и повесила на стену.

ВАНЯ. Я убью твоего любовника, мама. Я знаю его телефон.

ЛИЯ. Да замолчи ты уже! Пьянь!

ГЕОРГИЙ. Какой ужас, мама.

ГЕРА. Но неделю назад он прислал мне телеграмму. Он напомнил мне о великой трагедии Шекспира в переводе Михаила Леонидовича. И я прочитала и всё поняла.

ГЕОРГИЙ. Что поняла?

ГЕРА. Всё. И теперь я не буду тратить время даром, я должна быть со своим любимым. Он заехал за мной на своей «Победе». Он сигналил! Алексей! Алексей!

Гера убегает из квартиры, Георгий быстро наливает себе бокал вина и залпом выпивает, затем ещё один, затем ещё один.

ДЕЙСТВИЕ 2

1.

Больница, Гера сидит на кровати и никого не узнаёт, ни с кем не разговаривает. К ней заходят по одному, садятся на стул рядом, говорят и уходят.

ГЕОРГИЙ. Ну здравствуй, мама. Ну как ты? Доктор говорит, всё будет хорошо. Слышишь? Всё будет хорошо. Такой ветер на улице, знаешь. Ломает деревья. Весь месяц был такой ветреный. Так что ты ничего не пропустила. Тут хорошо. А я, знаешь, отдыхаю пока. Я в тот вечер, помнишь, ну, тот вечер. Ну, когда ты уехала. Я надрался же. Ну и на дежурство пошёл. Привезли женщину молодую опять с проляпсом. В общем-то, ничего сложного. Но мне чё-то так плохо было... В общем, надрез слишком сильный сделал, еле спасли её. Она в суд подала на меня. Ну и меня пока отстранили. Отдыхаю пока. Но ты не волнуйся.

ВАНЯ. Хотел убить, суку. Я же не сказал никому – я же звонил ему бухой. Позвонил. Ну, говорю, чё, как, как вообще. Он говорит: пропись и позвони мне завтра, поговорим. Только, говорит, до 12 часов звони, а то я улечу потом. Голос такой, ну, взрослый такой, не знаю. Строгий.

ЛОРА. Взрослые люди, а такое устроили. Страсти-мордасти. А мне этих страстей на работе хватает. Столько нытья! Столько нытья! Все какие-то увечные, все с детскими травмами, больные, корявые, на родителей все обиженные. Родители, конечно, уроды у всех. Не, ну правда, уроды. Мамаши холодные, нелюбящие, манипулируют. Отцы нарциссы-психопаты с пограничными расстройствами. Блядь, ну как, ну как научить этих калек своих детей любить?

ГЕОРГИЙ. Я понимаю, надо бросить пить. Понимаю. Мне все давно говорят. Надо, надо. Мне кажется, если я брошу пить – у меня будет спазм сосудов и некроз сердца.

ВАНЯ. Ну и набрал я его утром, трезвый. Он говорит: «Лия мне про тебя много рассказывала, хочу с тобой познакомиться». Я думаю про себя: опа! Короче, даже и не знаю, что думать. Вроде, акцент у него. Он говорит: «Надо было тебе раньше позвонить, а теперь я улетаю и пока не знаю, когда к вам сюда вернусь». К вам сюда. Говорю ему: а, ну понятно. А самому ни хера не понятно, главное. Он говорит: «Ну всё, приятно было познакомиться». А я ему: и мне. Попрощались. А я стою и думаю: я же, вроде, хотел тебя убить, чувак.

ЛОРА. Я устала, устала, устала. Я устала от всех этих слов. От того, что у всех столько боли, и всем надо помочь. Они все приходят ко мне со своими язвами, а я не Христос. И даже не мать Тереза. Они все рассказывают, как им плохо, а я сочувствую. У меня очень развита эмпатия, это профессиональное. Я им всем как мать родная, понимаете? И я так устала. Я выгорела. Пустота внутри. Тут ко мне цыганка подвалила на улице, а я говорю ей: «Пошла на хер!», она пошла. Домой приходишь – там никого, а хочется, чтобы кто-то ждал, кто-то мог обнять тебя. Но нет никого. Надо было родить тогда, в институте. Да ладно, что об этом. Вот вы назвали меня Лаэртом, Гера Даниловна, а я на другой день записалась на курсы вождения мотоцикла. Пошли все на хер, буду гонять по дорогам, мудаков пугать. Шлем куплю чёрный с черепами! Надо татуировку сделать во всю спину.

ГЕОРГИЙ. Мне приснился череп. Тело человека и вместо головы череп. И все вы собрались и говорили: Георгий, иди, навести могилы своих родных. Я пришел на кладбище, а там он меня встретил. Мне показалось, это папа. Или не папа, я не знаю. Дух рода. И он меня выбрал, чтобы что-то сообщить мне. Он что-то важное говорил мне. Что очень важное. А потом вынул сердце из себя и отдал мне. Такое свежее, пульсирующее. Но с проляпсом. Я же вижу, что с проляпсом.

ВАНЯ. Мама весь месяц чудила, конечно. Такие корки отмачивала. Придет домой, поплачет в ванной. Я же вижу, глаза такие. Ну такие, как у побитой собаки. Стала рисовать вдруг. Ни с того, ни с сего. Море. Главное, море – она терпеть его не может. Воду разную. Старые вещи стала выбрасывать, одежду свою старую, и папины майки. Он говорил: оставь, оставь на рыбалку, а она ночью вставала и выбрасывала. Больше не уходила по вечерам. Стала такая грустная. Только рисовала и рисовала, и на стенах начала даже. Кстати, рыбы прикольные получились у неё. Папа злится. Папа перестал бухать и стал злой какой-то, нервный. Всё по поводу квартиры они грызутся. Он. Она-то забила, похоже. Рисует и рисует. Во всю стену море, рыб. Приманка лжи поймала карпа правды.

ГЕОРГИЙ. Mam, ты понимаешь, мне это очень важно. Мне очень важно это знать. Ты тогда это всё придумала? Про Алексея этого своего? Или он правда мой отец? Мне это нужно знать точно. Я помню, как мы с папой ездили на

рыбалку. У него была надувная лодка, и палатка была. И вот мы у костра, пропахли рыбой этой, костром, какой-то дикой свободой. А вдруг медведь выйдет? Мне кажется, я только тогда и был счастлив. С рыбой. С папой.

ЛОРА. Лия вчера куда-то уехала. Даже мне ничего не сказала, куда-то собралась и уехала. Георгий ничего не знает тоже. Где она? Вообще, мне ничего не рассказала, что там у неё происходит? Вы знаете, я за семейные ценности, Гера Даниловна. Я за семью. За счастливую семью, в которой оба любят друг друга. Мне эту агонию их наблюдать надоело. Георгий страдает ужасно, я же вижу. Как бы не запил снова. Но я не вмешиваюсь, конечно.

2.

Лора и Георгий перед Герой, Гера по-прежнему не реагирует на внешние раздражители.

ГЕОРГИЙ. Мамааа! Мамааа! Мама!

ЛОРА. Не слышит.

ГЕОРГИЙ. Мама, очнись, милая. Это я, твой сын Георгий. Гоша твой. Твой Жора.

ЛОРА. Уже месяц прошел. Ровно месяц.

ГЕОРГИЙ. Ты скучаешь по своей маме?

ЛОРА. Очень. И по папе тоже.

ГЕОРГИЙ. И я.

ЛОРА. Поэтому и привязалась так к вашей семье. Трудно без родителей.

ГЕОРГИЙ. Да, понимаю.

ЛОРА. Береги её.

ГЕОРГИЙ. Ты же видишь.

ЛОРА. Была бы мама – Лия бы к ней пришла, всё рассказала, мама бы совет дала.

ГЕОРГИЙ. Наверное.

ЛОРА. Ей же тоже непросто.

ГЕОРГИЙ. Возможно.

ЛОРА. Я, когда с первым мужем ссорилась, всегда к маме бежала. Она, конечно, ерунду всякую советовала, но неважно.

ГЕОРГИЙ. Неважно, да.

ЛОРА. Георгий, а давай по чесноку. Что происходит у вас с Лией?

ГЕОРГИЙ. Хороший вопрос.

ЛОРА. Да. Ну и что происходит у вас?

ГЕОРГИЙ. Вот я хотел спросить у тебя, как у психотерапевта: что происходит с твоей сестрой?

ЛОРА. А с тобой?

ГЕОРГИЙ. Со мной? А что со мной?

ЛОРА. С тобой тоже что-то происходит. И с ней, и с тобой.

ГЕОРГИЙ. Я пить бросил.

ЛОРА. Да ладно.

ГЕОРГИЙ. Месяц в рот не брал.

ЛОРА. Ну, мало ли кто что месяц в рот не брал, это слишком маленький срок.

ГЕОРГИЙ. Ты обесцениваешь?

ЛОРА. Я? Я не обесцениваю,

ГЕОРГИЙ. Ты – психотерапевт и ты, твою мать, обесцениваешь!

ЛОРА. Тсссс, тихо-тихо, спокойно.

ГЕОРГИЙ. Спокойно?!

ЛОРА. Спокойно.

ГЕОРГИЙ. Спокойно.

ЛОРА. Ты очень нервный стал. Я об этом хотела поговорить.

ГЕОРГИЙ. Об этом? Да пошла ты!

ЛОРА. Георгий!

ГЕОРГИЙ. Где твоя сестра?

ЛОРА. Спокойно! С кем ты ещё поговоришь? С кем? Тебе надо хотя бы поговорить.

ГЕОРГИЙ. Как я устал.

ЛОРА. Я хотела поговорить об этом. Что ты чувствуешь?

ГЕОРГИЙ. Лора, у меня башка трещит.

ЛОРА. Сядь, расслабься, дыши ровно и скажи: что ты чувствуешь?

ГЕОРГИЙ. Чувствую – пиздец полный.

ЛОРА. Нет, это ты думаешь. Это ты оцениваешь ситуацию. А что ты чувствуешь?

ГЕОРГИЙ. Жрать хочу.

ЛОРА. Так, ещё.

ГЕОРГИЙ. Нос чешется.

ЛОРА. Горячо!

ГЕОРГИЙ. Женщины! Что же вы так достаёте, женщины! Вы мозг выносите! Как же вы... Как же вы...

ЛОРА (*перебивая*). Больно, да? Тебе больно?

ГЕОРГИЙ. Какие же вы суки!

ЛОРА. Вот. Вот. Наконец-то ты стал говорить о своих чувствах не только в состоянии алкогольного опьянения!

ГЕОРГИЙ. Как же вы... Как же выпить хочется.

ЛОРА. Понимаешь, тебе надо научиться разговаривать.

ГЕОРГИЙ. Всё распадается на какие-то кровавые куски. Некроз тканей. Обрывки аорты. Фрагменты артерий. Тромбы.

ЛОРА. Да-да, метафоры – это хорошо, образная речь.

ГЕОРГИЙ. Квартиру отнимут, с работы выгнали, человека чуть не зарезал, жена куда-то сбежала. Ну что за?

ЛОРА. И такое тоже бывает.

ГЕОРГИЙ. Лора, тебе сорок лет, ты не замужем. К тебе приходят люди разные, с проблемами, разными проблемами. Личными вопросами. Скажи мне: может, ну её на хер, эту семью?

ЛОРА. Может, и так.

ГЕОРГИЙ. Зачем эта пытка?

ЛОРА. Да, многие задаются этим вопросом.

ГЕОРГИЙ. И гори оно всё...

ЛОРА (*перебивает*). Только мне по ночам снится любовь, понимаешь? Разные мужчины, ласковые, целуют меня, заботятся обо мне. Я таю, таю, таю.

ГЕОРГИЙ. Ну это, просто секса у тебя давно не было

ЛОРА. Не просто секса. Секса с любимым. Я давно не занималась любовью.

ГЕОРГИЙ. Бывает.

ЛОРА. Знаешь, они так смотрят мне в глаза, в моих снах. Столько любви у них в глазах, столько тепла.

ГЕОРГИЙ. Бедная.

ЛОРА. Так нежно берут меня за руку, кончиками пальцев, и идёт тепло, знаешь, волнами идёт тепло по телу.

ГЕОРГИЙ (*берёт ЛОРУ за руку*). Всё будет хорошо.

ЛОРА. Они обнимают меня. Я даже иногда просыпаюсь в слезах от нежности. Мне тяжело говорить...

ГЕОРГИЙ (*обнимает ЛОРУ*). Ну, иди, иди сюда.

ЛОРА. И прикасаются ко мне губами, совсем слегка, чуть-чуть.

Георгий целует Лору. Потом смотрит на Геру.

ГЕОРГИЙ (*отодвигаясь от Лоры*). Так о чём ты хотела поговорить?

ЛОРА. Нуууу... Почему ты живешь с ней?

ГЕОРГИЙ. С кем?

ЛОРА. С Лией.

ГЕОРГИЙ. Я и сам не знаю.

ЛОРА. Так поговори с ней. Может, вы всё наладите.

ГЕОРГИЙ. Да, с твоей помощью.

ЛОРА. Знаешь, в отношениях важна ясность, честность.

ГЕОРГИЙ. Как же выпить хочется. Башка трещит.

Георгий быстро уходит.

3.

Гера в том же месте в том же состоянии. Рядом сидит Лия, рядом с ней дорожная сумка на колёсах.

ЛИЯ. Возвращайтесь. Возвращайтесь. Я привезла вам ракушек с моря. И местного инжира, он мелкий. Возвращайтесь. Я перечитала несколько раз «Гамлета», Гера Даниловна. Там что касается всех этих отцов-дядей, всё понятно. Он, конечно, нервничал, Гамлет. Но вот что мне непонятно, любил он Офелию или нет? Конечно, он там орал в её могиле, мол, люблю её как сорок тысяч братьев и всё такое. Но это просто темперамент плюс место – залезешь в могилу, ещё не то запоёшь. А вот любил ли он её? Помните, он говорил, что да, дарил подарки. Потом говорил, что нет. Мутный тип. Да ну его.

(пауза)

На самом деле, я хотела спросить про Алексея. Про эту историю всю. Вы любили вашего мужа Константина, Гера Даниловна? Молчите. Понимаю. А вы любили Алексея?

ГЕРА. Да, очень.

ЛИЯ (*вздрагивая от неожиданности*). Гера Даниловна! Гера Даниловна! Вы очнулись!

ГЕРА. Тише.

ЛИЯ. Так, так, так, осторожно, возвращаемся, возвращаемся, что там мы говорили, что там мы говорили...

ГЕРА. Про Алексея.

ЛИЯ. Да, да, про Алексея.

ГЕРА. Он был потрясающий. Из простой семьи, но художник. Мы познакомились, когда я была на втором курсе. Я купила туфли с рук, босоножки, а они оказались из хорошо отполированного картона, а не из кожи. И развалились, конечно, пошла по дождю, они и развалились. А он мимо ехал на мотоцикле, остановился. Говорит: «Привет, красавица!» А я сопли по лицу размазываю, вся промокла, носки мокрые. Такая красавица. Великолепная.

ЛИЯ. Так, так, интересно, водички вам дать попить?

ГЕРА (*пьёт воду*). Подвез меня. Я сначала боялась – никогда на мотоцикле не ездила. А потом вцепилась в него. «Только не отпускай меня», говорит. И смеётся. Красивый такой. Ну и всё, с тех пор закрутилось у нас. Сначала на пару месяцев. Он был первый у меня. Оказалось, много нас у него было, таких. Я когда поняла – рыдала-рыдала, конечно, но что делать. Не хочу с тобой больше встречаться, говорю. Потом я уже Костю встретила. Скучно с ним было, быстро надоел. Но мама сказала – замуж. Ладно, надо же и замуж. А через семь лет Алексей появился во второй раз. И было всё так по-другому уже... Как на Луне.

ЛИЯ. Вы только не волнуйтесь, спокойно. Он появился во второй раз, ага.

ГЕРА. Да, я случайно встретила его, что-то наврала ему, чтоб он помог мне, он примчался помогать. Он так любил помогать. Приманка лжи поймала карпа правды. Кстати, где он?

ЛИЯ. Кто?

ГЕРА. Алексей.

ЛИЯ. Алексей? Он придёт. Обязательно придёт.

ГЕРА. Как хорошо! Лиечка, мне нужны мои духи, принесёшь?

ЛИЯ. Конечно, принесу, Гера Даниловна, конечно, принесу. Я хотела спросить ещё: а почему вы не ушли к Алексею тогда? Почему вы не ушли от мужа?

ГЕРА. Ты видела, какой он красивый, да? Такой красивый. Вы все думали, это Лозинский, ха-ха! Грубые невежественные люди. Грубые, невежественные...

ЛИЯ. Всё-всё, вам надо отдыхать, Гера Даниловна, надо отдыхать. Доктор сказал – это потрясение, нервный срыв.

ГЕРА. Лиечка, а ты не забудешь духи?

ЛИЯ. Конечно, не забуду, Гера Даниловна, конечно не забуду.

ГЕРА. Ну ты поняла, какие, да? Не эти освежители для туалета, что мне дарят бесконечно все. А мои. Мой Ив Сен Лоран. Мой «Опиум».

ЛИЯ. Конечно, конечно, Гера Даниловна, ваш Ив Сен Лоран.

ГЕРА. Он придёт?

ЛИЯ. Конечно, он придёт. Он найдет вас, конечно. Он вас спасёт. Посадит на свою новенькую «Победу» и увезёт на Луну. К дикой собаке Динго.

ГЕРА. Как ты хорошо сказала, милая, как хорошо. Всё-таки какой из тебя бухгалтер? Глупости. Бахтин, Бахтин, Бахтин.

ЛИЯ. Вы помните, что я бухгалтер?

ГЕРА. Я всё помню, милая, всё помню. Даже про то, что ты квартиру заложила. Такая ты хорошая у нас. Девочка.

ЛИЯ. Спите, спите, спите.

(Гера засыпает).

Всё началось с одного фильма про двоих, два человека и чайка, они на берегу моря, воображаемого моря. Они хотели убежать в секретное место, и был только песчаный карьер, и вода внизу, немножко воды, а если прищуриться и услышать чаек, и волны - то море. И он сказал мне: сколько дорог ко мне. Ты

можешь прилететь самолётом, ты можешь приехать поездом, ты можешь приплыть на корабле. Но для этого нужен паспорт, сказала я, для этого нужно, чтобы меня выпустили с этим паспортом из страны, ты же знаешь. Ты же знаешь, я заложила квартиру и меня не выпускают. Ты же знаешь, то море, которое у нас, оно внутреннее, это не то море, на котором ты, другое. У тебя своё, у меня своё. Ты боишься, ты боишься воды, сказал он. Ты просто боишься. Ты хочешь, чтобы я приехал и спас тебя. И тогда я купила билет и прилетела сюда. Сюда, на наше, на внутреннее море. В этом городе были низкие дома и много машин на узких улицах, я быстро шла мимо и вышла на море, много-много километров песчаного берега. Был холодный сентябрь, и шторм, и на небе тоже было море, я слизывала его с губ, оно капало сверху, солёное, солёное море-дождь. Я шла и шла, мои шорты впитывали брызги волн. Мимо пробежал человек, он был похож на того глухонемого, с которым я дружила в детстве, на того глухонемого мальчика, который хорошо понимал только цифры. Его обучили цифрам, и мы говорили с ним о скорости мотоцикла, о том, какая зарплата у его папы и сколько стоят конфеты и слуховые аппараты, он немножко мычал, его звали Вася. Вася пробежал мимо сейчас, немножко погрузневший, но с такой же улыбкой, я узнала его. Он бежал, оглядываясь на меня, а я на него, но я шла дальше, море было справа, и ветер из правого уха вылетал в левое, не задерживаясь, а надо мной кружили чайки, они опускались в море, хватали клювом раковины, поднимали их в воздух, дрожали в ритме ветра, порывами, прыгали по воздуху. Они кидали сверху свои раковины, но не на меня, а передо мной, и так мы передвигались долго – они в трех метрах от меня и надо мной, и я, которая тоже как будто чайка, и даже перья стали с меня падать, белые и коричневые, рябые, чаечные. Я увидела чей-то велосипед, это был старый велосипед, облизанный морским ветром до ржавчины, я быстро прошла мимо. Я шла и шла, по зеркальному мокрому песку, и море трогало мои ноги, и я становилась морем, я шла быстро и догнала худого человека в чёрном, сгорбленного, на его спине было написано HOLY. Холи энжел, подумала я, но потом увидела, что нет, не было Н, это было просто OLY. Ангел без первой буквы обернулся на меня, но я уже летела мимо, было совсем не холодно, но почему-то не гнулись пальцы и занемел язык, почему-то тело стремительно остывало снаружи, хотя внутри было жарко, я побежала, я бежала, бежала, бежала, с такой же скоростью, как бежал Вася, а мимо бежали баба Неля и дед Иван, и баба Шура, и дед Алексей, моя мама, мой папа, я бежала и видела, как один человек выехал на скутере прямо в море, прямо на ту деревянную длинную дорогу, которая ведёт в море, далеко-далеко, разогнался и поехал туда, и я зажмурилась, потому что пир просто обрывается, а там волны, а пирс обрывается, а он мчится, мчится, мчится... И тут стало тихо. Наверное, так же тихо, как у Васи в голове. Я почувствовала его присутствие. Он здесь. Во всем было его присутствие, понимаете? И сейчас есть. Присутствие Бога.

4.

Квартира Лии и Георгия. Хаос, бардак и картины Лии, в том числе разрисованные стены. Лия моет окна. Ваня ей немножко помогает.

ВАНЯ. Как хорошо, что ты вернулась.

ЛИЯ. А куда бы я делась?

ВАНЯ. Всё-таки классно, что ты вернулась.

ЛИЯ. Таз подай.

ВАНЯ (*подавая ей таз с водой*). Мало ли, куда люди уезжают. Насовсем.

ЛИЯ. Ваня, не болтай глупости.

ВАНЯ. Ты бы скучала по мне?

ЛИЯ. Конечно. Я и так скучала по тебе, мой прекрасный сын.

Лия целует Ваню в затылок.

ВАНЯ. Прощай, прощай, и помни обо мне.

ЛИЯ. Я бы так никогда не сделала. Я всего лишь съездила на море отдохнуть.

ВАНЯ. Хорошо. Я и не спрашиваю.

ЛИЯ. Ты можешь спросить.

ВАНЯ. Нет, я не буду.

ЛИЯ. Ну ладно.

ВАНЯ. Помнишь, я пришел с заколкой? Когда напился.

ЛИЯ. Да, милый.

ВАНЯ. Я встречаюсь теперь с этой девочкой смешной.

ЛИЯ. Это прекрасно, милый.

ВАНЯ. Она такая прикольная.

ЛИЯ. Тебе хорошо с ней?

ВАНЯ. Да, очень. Я её прижимаю к себе – и сразу как-то спокойнее становится. Она носит носки разных цветов. И кроссовки из разных пар. И она рыжая.

ЛИЯ. Как здорово, милый!

ВАНЯ. А когда папа запил... Ну, две недели назад, когда ты уехала. Он даже перепутал туалет с окном, представляешь? Он встал и поссал в окно. А в другой раз просто на пол в ванной. Совсем пьяный был. Спал в одежде. И я приходил из школы, и так противно. Воняет, еды нет, папа храпит весь грязный какой-то заблванный. Тебя нет. И я уходил к Ане, её Аня зовут. Она меня кормила. У неё сидел допоздна, родители разрешают. Мы музыку слушаем. Она такая хорошая у меня.

ЛИЯ. Боже мой. Я там оставила тебе деньги на кроссовки и куртку.

ВАНЯ. Всё время хочу быть с ней.

ЛИЯ. И будь.

ВАНЯ. Как ты думаешь, мам, я ей не надоем?

ЛИЯ. Конечно, нет, как может такой красавчик надоесть?

ВАНЯ. Хороша дочь Аннушка, хвалит мать да бабушка. Ну я тебя серьёзно спрашиваю.

ЛИЯ. Ну ты у меня Шекспира читаешь.

ВАНЯ. Понимаешь, она поступает в цирковое училище, а там всякие же будут акробаты.

ЛИЯ. Даааа, против акробатов и я бы не устояла.

ВАНЯ. Мама!

ЛИЯ. Она тоже акробатка?

ВАНЯ. Она еще не решила. Она занималась всегда акробатикой, да, но хочет быть клоуном.

ЛИЯ. Клоуном?

ВАНЯ. Клоунессой. Да, а что тут смешного, серьёзная профессия.

ЛИЯ. Очень серьёзная. Суровая, я бы даже сказала.

ВАНЯ. Не будет ли ей как-то скучно со мной, как считаешь?

ЛИЯ. Ты постарайся. Надо стараться, сын, а как ты думал?

ВАНЯ. Как стараться? Конкретно, я записываю.

ЛИЯ. Записываешь? Ну записывай: ходули, моноцикл.

ВАНЯ. Издеваешься, да?

ЛИЯ. Ни капли. Это только начало списка. Жонглировать тоже. Уметь её смешить – очень-очень важно. И ты обязательно должен уметь разговаривать.

ВАНЯ. А я не умею?

ЛИЯ. Можно разговаривать, а можно разговаривать.

ВАНЯ. Логично.

ЛИЯ. Чувствовать и говорить о своих чувствах.

ВАНЯ. Ты сама-то умеешь?

ЛИЯ. Я?

ВАНЯ. Да, ты сама-то пробовала? Вы с папой пробовали разговаривать?

ЛИЯ. Ваня, это сложный вопрос.

ВАНЯ. А ты покажи мне пример. Надо же воспитывать детей примером! Ну давай, мама! Сделай что-нибудь! Ну сделай уже что-нибудь!

ЛИЯ. Ваня!

ВАНЯ. Вы можете поговорить?

ЛИЯ. Я не хочу! Я не хочу с ним разговаривать, Ваня! Отстань от меня!

ВАНЯ. Но почему, мама? Почему?

ЛИЯ. Потому что я хочу разговаривать с другим человеком. Понимаешь? С другим человеком!

ВАНЯ. Я понял, я понял.

ЛИЯ. Мне с ним хорошо! Он обнимает меня, и мне становится очень спокойно! И он прикольный! Он не рыжий, и не носит разных носков, но всё равно очень-очень прикольный! И я всё время хочу быть с ним! Мы слушаем музыку!

ВАНЯ (*протягивая колу*). На, попей.

ЛИЯ. И он знает, что я не пью газировку.

Входит Георгий.

ГЕОРГИЙ. О, у вас генеральная уборка.

ВАНЯ. Да, мама моет окна. Чтобы было больше солнца, да, мама?

ЛИЯ. Нет, чтобы отработать лишние калории после завтрака.

ГЕОРГИЙ. Чёрт, адская работа на этой скорой. (*вручая ЛИЯ букет*) Поздравляю.

ЛИЯ. С чем?

ГЕОРГИЙ. Сегодня 16 лет со дня нашей свадьбы.

ЛИЯ. Надо же. Ты же даришь мне только три букета в год.

ГЕОРГИЙ. Давайте соберёмся все вместе, посидим вечером. Сегодня маму выписывают, сейчас привезу её, только посплю пару часов после смены. Ужасно устал. Сегодня откачивали одну старушку, а она всё равно умерла.

ВАНЯ. Как классно! Давайте-давайте! Только, мам, приготовь пирог с сыром.

ЛИЯ. Вообще-то я окна мою...

ГЕОРГИЙ. Чудно-чудно-чудно. Как настоящая семья.

Георгий уходит в спальню.

ВАНЯ. Классно! Ну я к Ане метнусь, а вечером на ужин приду, ждите, чмоке.

Ваня убегает. Лия бросает муть окно, открывает краски и рисует на стене.

5.

По-прежнему хаос и бардак, недомытое окно, но накрыт стол и все сидят за столом, на котором стоит пирог, морс, и почти ничего больше нет.

ГЕОРГИЙ (*разливая морс по бокалам*). Я хочу сказать тост. Шестнадцать лет назад мы с Лией поженились, чтобы быть вместе всегда – в болезни, и в здравии, в печали и радости, в бедности и богатстве...

ЛИЯ (*перебивая*). Нет, просто поженились.

ГЕОРГИЙ. В смысле?

ЛИЯ. Расписались и всё. Формальность.

ГЕОРГИЙ. Потому что любили друг друга.

ЛИЯ. Недолго.

ГЕОРГИЙ. Что?

ЛИЯ. Недолго.

ГЕОРГИЙ. Влюблённость проходит, и остаётся любовь.

ЛИЯ. Не всегда. Иногда просто проходит.

ЛОРА. Лия! Ну это невозможно уже слушать!

ГЕОРГИЙ (*передавая Лие коробку*). В общем, вот.

ЛОРА. Боже мой! Что там? Открывай!

ВАНЯ. Вау! Мама!

Лия вяло ковыряет упаковку, тогда Лора выхватывает у неё подарок, быстро распаковывает, достаёт красивые наручные часы.

ЛОРА. Вау! Какая красота! Какая красота! Лия! Примерь!

Лия примеряет часы.

ЛИЯ. Гера Даниловна, как вам?

ГЕРА. Мило.

ЛИЯ. Мило. (*Снимает часы*) Спасибо, Георгий. Давайте выпьем за Геру Даниловну, за то, что она, наконец, вернулась домой. По-моему, это гораздо важнее.

ГЕРА. Да, давайте уже выпьем за меня. Если б не я – не было бы никого Георгия.

ВАНЯ. Ха-ха!

ГЕРА (*ВАНЕ*). Тебя тем более. Как тебя зовут, мальчик?

ВАНЯ. Бабушка!

ГЕРА. Да шучу-шучу! (*надевая новые часы Лии*). Часы эти мне нужнее.

ВАНЯ. Ха-ха! Бабушка жжёт!

ГЕРА. Всё равно, Офелия их носить не будет. А мне Алексей время назначит.

ГЕОРГИЙ. Мама, ты хотела сказать – Лия?

ГЕРА. Можно и так сказать, сын мой, Гамлет Алексеевич.

ГЕОРГИЙ. Мам, ты сейчас шутишь, да?

ЛОРА. Боже мой, Гера Даниловна, вы, главное, не волнуйтесь!

ГЕРА. Не буду.

ЛИЯ. Не буду, правда. Я себе купила с Микки-маусом часы в детском магазине.

ГЕОРГИЙ. У меня какое-то ощущение, что все сошли с ума, один я нормальный. Как в страшном сне. Разбудите меня!

(Лора слегка щипает его).

Ещё.

(Лора снова его щипает).

Немножко легче стало. Спасибо.

ВАНЯ. А я научился отрывивать яйцо, смотри, пап.

Ваня отрывивает яйцо.

ГЕОРГИЙ *(ЛОРА)*. Нет, щипай ещё.

ВАНЯ. Тренировался несколько часов! Аня меня научила.

ЛИЯ. Молодец, Ванька!

ЛОРА. Ваня, вряд ли этот навык тебе пригодится в будущем. И не надо папу пугать.

ГЕОРГИЙ. Да всё бесполезно, Лор. Меня никто не слышит в этом дурдоме.

ЛИЯ. Я тебя слышу.

ГЕОРГИЙ. Ты? Ты меня слышишь? Ты?

ЛИЯ. Да, я тебя слышу. Я всё слышу.

ГЕОРГИЙ. Ты? Ты, которая меня режет без анестезии?

ЛИЯ. Режу и слышу.

ГЕОРГИЙ. Я хотел по-человечески. Купил подарок. После смены никакой, а купил цветы. Тебе. Я вспомнил эту чёртову дату. Хотел по-человечески. Видишь, я разговариваю. Что ещё ты хочешь от меня?

ЛИЯ. Больше ничего не хочу, милый.

ГЕОРГИЙ. Ты назвала меня «милый»?

ЛИЯ. Да, милый.

ГЕОРГИЙ. Ты меня так называла раньше. Давно.

ЛИЯ. Я не помню.

ЛОРА. А давайте выпьем за то, что суд признал Георгия невиновным! И снова наша отечественная медицина пополнила свои ряды талантливыми кардиохирургами!

ГЕОРГИЙ. Лора, вообще-то я теперь на скорой работаю.

ЛОРА. Это временно. Ты пить бросишь – возьмут обратно. Это они просто наказать тебя решили.

ВАНЯ. Пап, я передумал быть врачом.

ГЕОРГИЙ. Да? Кем же ты будешь, сын?

ВАНЯ. Клоуном, пап, клоуном.

ГЕОРГИЙ. Ну хорошо.

ГЕРА. А где Алексей?

ЛИЯ. Он скоро придёт.

ГЕОРГИЙ. Мам, возвращайся!

ЛОРА. Гера Даниловна, мы же с вами говорили на эту тему, и доктор с вами говорил. Нет никакого Алексея. Он был в прошлом. Но уже много лет его нет в вашей жизни.

ГЕРА. Как нет? Приманка лжи поймала карпа правды. А телеграмму кто мне прислал? А кто мне напомнил про Лозинского?

ВАНЯ. А где телеграмма, бабушка? Ты нам не показывала телеграмму.

ЛИЯ. Гера Даниловна, он придет, верьте мне.

ГЕОРГИЙ. Хватит, Лия! Что ты делаешь? У неё и так всё спуталось в голове! *(ТЕРЕ)* Мама, послушай меня. Даже если был этот Алексей. Я – сын Константина. Я похож на него. У меня его группа крови. А твоего Алексея давно нет. Может, он умер давно. Мы не знаем. Его нет. Есть мы, мы тут сидим с тобой. Мы собрались семьёй.

ЛИИ. Семьи никакой нет.

ГЕОРГИЙ. Мы собрались семьёй.

ГЕРА. Но позвольте! Позвольте! Как это нет?! Мы общались с ним! Каждое утро и вечер. Он писал мне стихи. Прекрасные, летящие стихи. Мы вспоминали, как были вместе...

ГЕОРГИЙ. Мама! Ты просто разговаривала с этим портретом на своей стене! Ты просто разговаривала с портретом! Не с живым человеком, а с портретом! Ты всё придумала!

ВАНЯ. Бабушка, ты чего? Как бы ты с ним общалась? У тебя и мобильного-то нет.

ЛИЯ. Гера Даниловна, он до сих пор любит вас.

ГЕОРГИЙ. Лия, перестань! Перестань! Ты мне всю душу вымотала! Видеть тебя не могу!

ЛИЯ. Ну давай, скажи мне! Говори дальше!

ГЕОРГИЙ. Почему мы сидим в этом бардаке? Почему ты не прибралась?

ЛИЯ. Так, дальше.

ГЕОРГИЙ. Почему на столе пусто, почему только этот пирог, да и тот с луком. Ведь ты же знаешь, я не ем лук.

ЛИЯ. Поэтому и добавила. Так, продолжай.

ГЕОРГИЙ. Надо успокоиться.

ЛИЯ. Не надо успокаиваться! Не надо!

ЛОРА. Георгий, может, самое время?

ГЕОРГИЙ. Самое время что?

ЛОРА. Как-то прояснить ситуацию. Поговорить. Спросить.

ГЕОРГИЙ. Прояснить? При всех? При Ване?

ЛИЯ. Пусть остаётся.

ГЕОРГИЙ. Ну хорошо. Спрошу. Лия, где ты была две недели?

ЛИЯ. На море.

ГЕОРГИЙ. С кем?

ЛИЯ. Одна.

ГЕОРГИЙ. Ты врешь мне?

ЛИЯ. Нет.

ГЕОРГИЙ. Ты же не любишь море. Плавать не умеешь. Вообще, воды боишься.

ЛИЯ. Ну и что?

ГЕОРГИЙ *(ЛОРЕ)*. Я ничего не прояснил.

ЛИЯ *(ЛОРЕ)*. Помнишь, систер, у тебя был парень такой красивый на третьем курсе? Как его звали?

ЛОРА. Такой блондин? Моя большая любовь. Ты забыла, что ли – Миша.

ЛИЯ. А чего вы расстались?

ЛОРА. Не знаю. Он бросил меня. Полгода встречались. Не знаю. Почему ты вспомнила вдруг?

ЛИЯ. Мы переспали. Тебя дома не было, он ждал тебя, мы переспали.
ЛОРА. Боже мой!
ГЕОРГИЙ. Лия, ну ты что при ребёнке такие гадости говоришь! Ужас!
ВАНЯ. Родители, вы жжёте.
ЛИЯ. Назло тебе. Такое настроение у меня было. Назло. Мне пятнадцать было. А потом шантажировала его. Он и сбежал.
ЛОРА. Боже мой, но почему?
ЛИЯ. Так.
ЛОРА. Не ожидала, сестра.
ЛИЯ. Ну вот так.
ЛОРА. Меня это ранит.
ГЕРА. Ничего, заживёт.
ЛОРА. Что, Гера Даниловна?
ГЕРА. Заживёт. Сама же с Жорой целовалась в больнице. Думали, я ничего не вижу? Приманка лжи поймала карпа правды!
ЛИЯ. Ну вот же.
ВАНЯ. Ну ваще-е-е...
ГЕОРГИЙ. Мама, ты не поняла...
ЛОРА. Гера Даниловна...
ЛИЯ. Ха-ха!
ГЕРА. Ничего. Ну целовались и целовались.
ЛОРА. Да нет же, Гера Даниловна...
ГЕРА (*перебивая*). И что вы мне говорите! И что вы мне говорите, когда я его чувствую!
ГЕОРГИЙ. Кого?
ГЕРА. Я его чувствую. Лишиться его – это значило бы отрезать руку, ногу. Можно жить и без руки, и без ноги, конечно. Но я не хочу. Я чувствую его. Когда ему плохо и когда он там где-то с кем-то много говорит. Когда ему одиноко. Моё тело помнит его. Оно собирало все его прикосновения, все его запахи. Когда-то давно. Оно двигалось вместе с ним, в его ритме. Оно радовалось вместе с ним. И вместе с ним умирало от нежности. Он мой, понимаете? Мой мужчина. Довелось ли вам встретить настолько своего? Мне довелось. И я не хочу с ним расставаться.
ЛИЯ. Он обязательно придёт. Он найдёт вас. Спасёт.
ГЕРА (*передавая ЛИЕ часы, указывая на ГЕОРГИЯ*). Отдай ему подарок, девочка.
ЛИЯ. Мой принц, как поживали вы все эти дни?
ГЕОРГИЙ. Благодарю вас; чудно, чудно, чудно.
ЛИЯ (*возвращая часы*). Принц, у меня от вас подарки есть. Я вам давно их вернуть хотела. Примите их, я вас прошу.
ГЕОРГИЙ. Я? Нет. Я не дарил вам ничего.
ЛИЯ. Нет, принц мой, вы дарили; и слова, дышавшие так сладко, что вдвойне был ценен дар, - их аромат исчез. Возьмите же; подарок нам не мил, когда разлюбит тот, кто подарил.
ГЕОРГИЙ. Я купил букет, и эти часы, я хотел, чтобы...
ЛИЯ. Пожалуйста, помоги мне сделать загранпаспорт на другое имя. Ты можешь?
ГЕОРГИЙ. Что?
ЛИЯ. У тебя же есть связи.
ВАНЯ. Папа!

ЛИЯ. Мне очень нужен фальшивый загранпаспорт, очень нужен.

ВАНЯ. Папа, сделай ей паспорт.

ГЕОРГИЙ. Но ведь она уедет, Ваня. Ты хочешь, чтобы она уехала?

ВАНЯ. Она уже уехала, папа, уже уехала.

ГЕРА. Ваня, принеси мне мои таблетки.

ГЕОРГИЙ. Мама, ты побледнела. Мама, тебе плохо?

Гера сползает на пол, падает в обморок. Все начинают суетиться вокруг неё.

Лия, звони в скорую! Это сердце! Мама! Мама!

ВАНЯ. Бабушка! Бабушка!

ЛОРА. Боже мой! Боже мой! Ей плохо!

ЛИЯ. Скорая! Женщина без сознания, сердце, нужна реанимационная бригада.

Записывайте...

б.

Лия и Георгий, оба в чёрном, сидят за столом, Георгий ужинает, Лия ухаживает за ним. Комната тщательно прибрана, вымыты окна, уютно.

ЛИЯ. Милый. Ты будешь еще салата?

ГЕОРГИЙ. Нет, спасибо.

ЛИЯ. Доктор сказал, тебе надо полноценно питаться.

ГЕОРГИЙ. Я и сам доктор.

ЛИЯ (*передавая таблетки*). Запей.

ГЕОРГИЙ. А что это за зелёная?

ЛИЯ. Это успокоительное, милый.

ГЕОРГИЙ. Зачем?

ЛИЯ. На всякий случай.

ГЕОРГИЙ (*проглатывая таблетки*). Спасибо.

ЛИЯ. Я там достала твой свитера, и знаешь, те, что просто вул – нормально, ну коттон, конечно, тоже, кто их жрать будет. А вот меринос – прожрала моль.

Такие дыры. Наверное, вкусно.

ГЕОРГИЙ. Наверное. Милая.

ЛИЯ. Ты ешь-ешь. Без лука, как ты любишь.

ГЕОРГИЙ. Спасибо. Очень вкусно.

ЛИЯ. Я там тебе все рубашки нагладила. Целый день гладила.

ГЕОРГИЙ. Спасибо.

ЛИЯ. Пуговицы все пришила.

ГЕОРГИЙ. Спасибо.

ЛИЯ. Знаешь, я подумала, не надо снимать потрет со стены у неё. Ты же не против.

ГЕОРГИЙ. Лозинского-то?

ЛИЯ. Ну, Алексея.

ГЕОРГИЙ. Да пусть висит. Может, и правда она его любила.

ЛИЯ. Точно любила. Пусть всё останется пока так. Платье это бархатное, что она сшила из скатерти, я в химчистку отдала.

ГЕОРГИЙ. Мама любила химчистки.

ЛИЯ. Мне сегодня приснилось, что я заболела. Как будто эпидемия, и я попала в больницу. Мы все заразились от карпа. Заразились счастьем. Мы все очень-

очень счастливы, понимаешь? Я, и другие заболевшие. Заболевшие от карпа, мы его ели. Лихорадка счастья. Приманка лжи поймала карпа правды, помнишь, она говорила?

ГЕОРГИЙ. Странный сон.

ЛИЯ. А что снилось тебе?

ГЕОРГИЙ. Не помню.

ЛИЯ. Знаешь, вот прошло сорок дней и она перестала мне снится.

ГЕОРГИЙ. А я не запоминаю сны.

ЛИЯ. Тебе и не надо, разволнуешься ещё, опять с сердцем плохо будет.

ГЕОРГИЙ. Недолго мне осталось.

ЛИЯ. Ну это ты говоришь мне со дня знакомства, сколько можно так шутить.

ГЕОРГИЙ. Ты улыбаешься, хорошо.

ЛИЯ. Скучаю по ней. Приснилось, что она пришла и, знаешь, так за грудь держится. Просит ниточки обрезать. Торчат нитки из неё. Ей же вскрытие делали, зашивали. Мне так же снились папа с мамой, когда погибли. Их тоже зашивали. И потом в морге они оба лежали нарумяненные. Нарумянили их. Помнишь?

ГЕОРГИЙ. Офелия, тебе довольно влаги, и слезы я сдержу.

ЛИЯ. Хочешь, я завтра приготовлю пирог?

ГЕОРГИЙ. Хочу, да. А свяжи мне носки. Мама мне вязала в детстве. Из шерсти вкусной.

ЛИЯ. Завтра приготовлю пирог.

ГЕОРГИЙ. Спасибо. Милая.

ЛИЯ. Завтра приготовлю пирог.

ГЕОРГИЙ. Да.

ЛИЯ. Завтра приготовлю пирог и уеду.

ГЕОРГИЙ. Куда уедешь?

ЛИЯ. К нему.

ГЕОРГИЙ. К кому?

ЛИЯ. Навсегда уеду.

ГЕОРГИЙ. Как уедешь?

ЛИЯ. Понимаешь, у него четверо детей, он разведён, но детьми плотно занимается. И он сюда никак. Он живёт далеко, в другой стране. Как нам быть вместе? Только если я приеду, понимаешь?

ГЕОРГИЙ. Так это не директор твоей фирмы?

ЛИЯ. Нет, милый, это не он. Но директор – хороший парень, если бы нам не дали кредит, он бы сломался, понимаешь? Я спасла его немножко.

ГЕОРГИЙ. Спаси меня. Немножко.

ЛИЯ. Мы познакомились случайно. Это мой мужчина, абсолютно мой. Но так далеко живёт.

ГЕОРГИЙ. Зачем ты мне это рассказываешь?

ЛИЯ. Ваня поступил в училище, всё хорошо. Он будет приезжать ко мне туда – там большой дом, море, такая красота! Он помог мне с паспортом. У меня теперь другое имя, представляешь? Ха-ха! Новое имя. Там тоже есть сельское хозяйство, но я не хочу больше никого спасать. Я хочу рисовать море. А квартиру банк не заберёт, там всё решается уже. Всё будет хорошо, милый.

ГЕОРГИЙ. Зачем ты меня называешь милым?

ЛИЯ. Его я называю – любимый.

ГЕОРГИЙ. Откуда он взялся?

ЛИЯ. С Луны. Мне иногда кажется, что с Луны. Куда отправляли ракеты с парада, помнишь?

ГЕОРГИЙ. А я?

ЛИЯ. Ничего, Лора за тобой присмотрит. Ложись спать, уже поздно. Завтра я приготовлю пирог. Без лука, как ты любишь. Подарю тебе часы с Микки Маусом. Завтра же семнадцать лет, как мы познакомились, помнишь?

ГЕОРГИЙ. В болезни, и в здравии, в печали и радости, в бедности и богатстве...

ЛИЯ. Ну перестань, что ты. Тебе нельзя волноваться.

ГЕОРГИЙ. Ей черепки кидали бы и камни; а ей даны невестины венки, и россыпи девических цветов, и звон, и проводы.

ЛИЯ. Понимаешь, я попробовала пожить без него, и у меня не получилось.

ГЕОРГИЙ. Понимаю. Ничего не получилось. Я не смог.

ЛИЯ. Ложись спать. Хочешь, я тебе почитаю на ночь. Что-нибудь из Лозинского.

(Георгий ложится диван).

Спи. Спи, закрывай глаза.

Он взял меня за кисть и крепко сжал;

Потом, отпрянув на длину руки,

Другую руку так подняв к бровям,

Стал пристально смотреть в лицо мне, словно

Его рисуя. Долго так стоял он;

И наконец, слегка тряхнув мне руку

И трижды головой кивнув вот так,

Он издал вздох столь скорбный и глубокий,

Как если бы вся грудь его разбилась

И гасла жизнь; он отпустил меня.

КОНЕЦ

2013 год